

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Гаянэ Шавердян

**Клиническая психология:
исторический этюд**

**ЕРЕВАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕРЕВАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
2023**

УДК 616.8:159.9(091)

ББК 88.7+88.1

Ш 141

*Рекомендовано к публикации
Учёным советом ЕГУ.*

Шавердян Гаянэ

Ш 141 Клиническая психология: исторический этюд / Г. Шавердян. -
Ер.: Изд. ЕГУ, 2023.- 144 с.

Обыкновенно психология видится научным сообществом как молодая дисциплина, а клиническая психология, на пару-тройку десятилетий отстоящая от официальной даты возникновения психологии, – еще моложе. В противоположность этому, «биография» клинической психологии прослеживается вплоть до первоначал становления самосознания человека, вбирая в себя историю медицины и философии. Она накрепко связана не только с проблемой соотношения тела и души, но с тройственным союзом тела, души и духа, в котором душе отведена роль мятущегося медиатора между ними. Автор предпринимает попытку выудить из истории науки драгоценные маркеры этих соотношений, поэтому включает в рассмотрение имена, ранее не упоминаемые в контексте истории клинической психологии.

Книга адресована магистрантам, проходящим подготовку по специальности «Клиническая психология», а также всем, кто интересуется путями, которые ведут к решению проблем, стоящих перед наукой психологии.

УДК 616.8:159.9(091)

ББК 88.7+88.1

ISBN 978-5-8084-2622-1

<https://doi.org/10.46991/YSUPH/9785808426221>

© Изд. ЕГУ, 2023

© Шавердян Г., 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
1.....	8
2.....	11
3.....	13
4.....	19
5.....	29
6.....	32
7.....	36
8.....	40
9.....	47
10.....	51
11.....	55
12.....	60
13.....	67
14.....	73
15.....	77
16.....	80
17.....	84
18.....	88
19.....	95
20.....	101
21.....	104
22.....	112
23.....	114
24.....	122
25.....	126
26.....	133
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	137
Summary.....	141
Ամփոփում.....	142

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Библии упоминаются три образа дерева. Первое – *Древо познания добра и зла* – олицетворяет образ грехопадения, приведшего к проклятию и смерти, но дающего возможность выбора между добром и злом и ведущего к свободе воли или поступка. «Откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло» (Бытие, 3:5).

Второе дерево (гр. *ставрос*) – *Древо распятия*, Голгофский крест, Древо искупления и освобождения от проклятия и смерти. «Он грехи наши сам вознес телом своим на Древо» (1 Петра, 2:24). Древо это – символ Высшей Божественной жертвы, добровольной жертвы человека своим эго, а также превращения «ветхого» Адама в «нового» и победы над смертью.

Третье дерево – *Древо Жизни*, которое символизирует вечную жизнь. «Древо, которое приносит плод свой во время свое» (Пс, 1:3) тем, кто приходит «в надлежащее время к водам искупления».

С начала времен, следовательно, перед человеком стоят две задачи: с одной стороны, свобода воли, а с другой, – мудрость постижения, познания истины при условии самостоятельного «прихода к водам искупления», т.е. попросившись с эгоизмом, вталкивающим человеческую душу в горнило бессознательного. Вот цели развития души, ни на йоту не потерявшие свою актуальность.

Ничего из этого не может человек, имеющий психическую патологию. Он не может собственными силами выйти из подчинения эгоизма, не может сопротивляться захвату сознания бессознательным, не может выкрутиться из интеллектуального лабиринта и пробиться к подлинному познанию, не может расслышать голос совести среди тревожащих его звуков, и в силу внутренних принуждений и страхов бежит от свободы (Э. Фромм). Какого рода несвобода встречается при той или иной

патологии, зависит от ее типа. Самое же драматичное последствие и одновременно причина патологического состояния заключена в том, что из человека «выдернут» индивидуальный стержень, некий, при всей своей специфичности, универсальный знак психического и психологического здоровья. Если психически больной «на всю голову» не индивидуален и типичен, остальные мы – индивидуальны до некоторой степени, т.е. обладаем большим или меньшим психологическим или личностным здоровьем. Был только Единственный из ступающих по земле, в ком индивидуальность проявилась в совершенной степени, – считал К.Г. Юнг: «Жизнь Христа стала священным символом потому, что она является психологическим прототипом единственного вида осмысленной жизни, которая устремлена к индивидуальному, т.е. к абсолютному и безусловному осуществлению свойственного ей закона»¹.

Все, что несет природа как тело и род, а также социум в форме той или иной группы, авторитетов церкви и науки, т.е. то, что в терминах гештальттерапии определяется как невротический механизм интроекции, удерживает человека от развития индивидуальности. Напротив, гарантом здоровья являются стремление и способность, по выражению К.Г. Юнга, «жить из себя», формирование законов своих поступков на основе самостоятельно познанной истины, и освобождение мотива от всех «улик», обличающих его второстепенность. Г. Олпорт называл это «функциональной автономией мотива», и современный человек призван стать автономным и самосознающим во всех своих проявлениях.

Такая задача стояла перед человеком не всегда. Индивидуальное, самосознание или «Я», которое осуществляет акт свободной воли, по Э. Фромму, зародилось только с XV века, когда человек стал ощущать самостоятельность своего «Я»². Факт этот

¹ Юнг К. Г., Конфликты детской души, Изд-во «Канон», М., 1995, стр. 202.

² Фромм Э., Бегство от свободы, Минск, 2000, стр. 85

отразился на истории человечества, а история науки – ее важнейшая часть. В свете этих проблем будет прослежена история клинической психологии, которая слагалась в соответствии с основными вехами истории науки в целом, и поэтому ее невозможно отделить от последней, и в частности, от истории, философии, медицины и психологии. «Психология, по словам Г. Эббингауза, имеет короткую историю, и длинное прошлое», поэтому нам придется охватить наиболее значимые вехи развития этих наук, под воздействием которых произошло становление клинической психологии как отдельной отрасли психологии.

1.

Древняя медицина синонимична лечебной магии, основанной на культовой практике изгнания духа болезни из тела больного. Посвященным в этот культ, подготовка которых велась в строжайшей тайне и индивидуально, не могло и в голову прийти разделить дух, душу и тело; это «беспамятство» пришло гораздо позже. Знания передавались избранным, которые подвергались испытанию на грани жизни и смерти, а жрец мистерий произносил заклинания и выполнял обрядовые действия, заранее удостоверившись в моральных, волевых и кармических качествах посвящаемого. В африканских племенах сохранилось своеобразное испытание мужества: мальчиков многократно заставляли до обморока дышать дымом в специальной хижине, а затем подвергали испытанию весьма прожорливыми большими муравьями, в то время как те должны были стоять по щиколотку в воде. Мальчики держали в руках большие куски муравейника, откуда выбегали разъяренные насекомые, и побеждал тот, кто последним кидался в воду³. Древние народы и первобытные племена связывали болезнь с временным отделением души от тела, во время которого не защищенная телом душа находилась под влиянием злых духов, поэтому знахарь бегал вокруг больного, желая поймать его блуждающую душу, «его бабочку» и вернуть в тело. Если это не удавалось, больной умирал. Это касалось не только больных, но и лекарей. Так, для посвящения австралийского туземного врача считалось необходимым, чтобы он в течение двух-трех дней намеренно отделил свою душу от тела, чтобы отыскать мудрость, скрытую в царстве духов и приводящую к исцелению⁴.

³ *Сорокина Т.С.*, История медицины. Т.1, М., 2008, стр. 353. – <https://e-library.namdu.uz/>

⁴ *Тайлор Э.Б.*, Первобытная культура, стр. 217-218. – <https://www.gumer.info/>

Древняя цивилизация Индии сложилась около III тыс. до Р.Х., и было бы большим заблуждением подходить к ее историческим свидетельствам сообразно современному менталитету. Источники по истории врачевания Древней Индии: «Веды», «Законы Ману», а также сведения отдельных целителей, – это осколки, которые сохранились от божественных учителей древнеиндийской цивилизации – семи святых Риши. В малочисленных тестах обряды магического врачевания тесно состыкованы с мифологией: добро и здоровье приносят высшие божества Агни, Индра, Сурья, а зло и болезни – демоны, называемые асурами и ракшасами, окопавшимися в душе человека, что само по себе указывало на то, что уделялось внимание не внешней жизни, а духовному углублению во внутреннее, и не случайно, что «врачами» там были духовно продвинутые люди – жрецы и брамины. Для клинического психолога интерес представляют три ключевых положения. Во-первых, древние индусы различали не пять, а девять органов чувств, что говорит о том, что внешний мир они воспринимали по-иному. Во-вторых, сердце, а не мозг считалось вместилищем разума человека, тогда как значение головного мозга не определялось, и, в-третьих, лечение направлялось на уравновешивание нарушенного соотношения жидкостных субстанций – прана, желчь, слизь, которым соответствовали космические стихии воздуха, огня и воды, т.е. индусы опередили гуморальную теорию Гиппократ⁵. Кроме того, здесь впервые были сформулированы каноны, принципы и клятвы врачебной этики, предварившие деонтологию, а также элементы музыкотерапии: Кришна играл на флейте, и народ следуя за ее звуками, исцелялся от печали.

⁵ История медицины: с древнейших времен до современности, сост. Р. З. Симонян, Чебоксары, Издательский дом «Среда», 2020, 224 с. – стр. 28.

Определенные присущие ей в древности черты Индия сохранила и сегодня. «Это – другой мир, – отмечал К. Г. Юнг, – несоизмеримый ни с чем, что я знал и к чему привык. Я видел, что индийская духовность в равной мере принимает и зло, и добро... Цель индуса – не моральное совершенство, а только состояние нирваны. Желая отрешиться от собственной природы, медитацией он достигает состояния легкости и пустоты, освобождая себя таким образом. Я же, напротив, хочу остаться при своем – я не желаю отказываться ни от человеческого общения, ни от природы, ни от себя самого и собственных фантазий»⁶. Мы видим, что дело касается опять проблемы индивидуальности, о развертывании которой еще тысячелетия не могло идти и речи.

⁶ Юнг К.Г., Воспоминания, сновидения, размышления. – https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/vosp_snov/index.php

2.

Учителем древнеперсидской цивилизации был пророк и основатель религии зороастризма Заратустра – величайший знаток вопросов медицины, движения небесных светил и планет, способов вести хозяйство, возделывать землю, одомашнивания животных и многих других. Он возвестил о великом Духе Солнца или Ормузде и о его супостате – Аримане, и с тех пор полярность добра и зла была поставлена в центр мировоззрений. Телесно или физически больных людей персы считали одержимыми злым духом, при этом вина не возлагалась на самого больного. Преодоление болезни было тождественно его спасению, но оно зависело от совокупности его слов, мыслей и дел. Персы, в отличие от индусов, были нацелены на завоевание и устройство внешнего мира, но отдавали дань миру внутреннему. «Величайшие события – это не наши самые шумные, а наши самые тихие часы», – учил Заратустра. Самый главный его завет – придерживаться Ормузда, потому что он – носитель истины и инспирирует в человеке благие слова, благие мысли и благие поступки, а избравшие его не только получают силу для жизни, но в конце времен получают бессмертие. Вот отрывок из священной клятвы зороастрийского «Символа веры», которые должны были произносить жрецы зороастризма, которые были одновременно целителями: «Все благо признаю благому Ахура Мазде. Отрекаюсь от единения со злыми, злобными, зловредными, пагубными дэвами, самыми лживыми, самыми тлетворными, самыми злополучными из всех существ, от чародеев и чародейных и от всех, кто насилует живущих мыслями, словами. ...Славлюсь благомыслием мысли. Славлюсь благословием слова. Славлюсь благодеянием дела»⁷.

⁷ Дубровина Т.А., Ласкарева Е.Н., Заратустра, М., Изд-во «АСТ», 1999. – 208 с. ИСПОЛНЕНИЕ ПРОРОЧЕСТВ (tripod.com)

Обращает на себя внимание на тот факт, что отправители культа в Древней Персии подчеркивали насильственный характер влияния темных сил, сами же люди являлись ареной борьбы между пользой и вредом, ложью и правдой, смертью и бессмертием, но как бы насильственно не действовали девы, была твердая уверенность, что Ормузд или Ахура Мазда есть живое оружие против них. Зороастрийцы ненавидели темные стороны души и всеми силами устремлялись к свету. Все обряды в реальной или символической форме включали почитание огня, потому что считалось, что человеческая душа – особый вид огня, получивший причащение от огненной солнечной ауры. При рождении этот огонь облекается в телесную оболочку, но Ариман и его духи отравляют огонь дымом, от чего портится также тело. Происходит это оттого, что последний смешал добро и зло, и задача человека уметь разделять их и беречь свет и огонь, т.е. дух и душу. В священной книге древних персов Зенд-Авесте были выделены три типа лечения: ножом (хирургия), травами, божественными словами. Последнее считалось лучшим, «самым могущественным, потому что он атакует сам источник болезней». В целом, «в зороастризме большим влиянием обладало слово. Людям Древней Персии была присуща абсолютная вера в действенную силу слов и молитв. Молитвами они очищали все, и само слово обладало огромной магической силой»⁸. Вышеизложенное относится к первому, зороастрийскому периоду истории медицины Персии, далее последуют еще два, третий из которых, как выяснится, совершенно противоположен первому.

⁸ *Мионов В., Древние цивилизации.* – https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/drevnie_civilizaci/index.php

3.

Врачебная этика Древнего Египта имела лаконичную формулировку: врачеватель, осмотрев больного, открыто сообщал ему о предполагаемом исходе лечения в одной из трех фраз:

- 1) «это болезнь, которую я могу вылечить»;
- 2) «это болезнь, которую я, может быть, смогу вылечить»;
- 3) «это болезнь, которую я не смогу вылечить».

О роли сердца в папирусе Эберса сказано: «Начало тайн врача – знание хода сердца, от которого идут сосуды ко всем членам, ибо всякий врач, всякий жрец, всякий заклинатель, касаясь головы, затылка, рук, ладони, ног, – везде касается сердца: от него направлены сосуды к каждому члену...». К первому роду болезней (естественных) египтяне относили болезни, вызванные приемом нездоровой и плохой пищи, неблагоприятными климатическими и погодными условиями или воздействиями паразитов. Ко вторым (неестественным) – последствия вселения в организм злых духов умерших. Первый тип болезней они лечили медицинскими процедурами и лекарствами (исследователи насчитали более тысячи медицинских и косметических рецептов), вторые – ритуальными и магическими действиями, содержащими художественные элементы, и даже фармацевты давали рецепты в виде поэтических образов и символов.

В каком-то отношении египтяне преодолели ведущее настроение персов – чувство экзистенциальной двойственности злого материального мира и небес как истинной родины человека. Они нашли связь с посмертным существованием и научились читать звезды, которые управляли их жизнью. Яркой особенностью египетской культуры был похоронный ритуал. Как описывает Геродот, специальные люди в течение 70 дней бальзамировали труп, секрет утерян, но мумии, обработанные тысячи лет назад, сохранились по сей день. Поскольку часть души умершего, его «двойник» или жизненная сила обитала в гробнице,

египтяне оберегали тело умершего от разрушения. Это не был просто обряд захоронения: жрецы учили мумифицировать человеческий организм и через внешнее наблюдение обучались тому, что в индийской и персидской культуре познавалось внутренним образом. Благодаря мумификации египтяне получали знания в области анатомии и медицины. В ритуальное действие притягивались духовные существа и пронизывали формы этих действий. От них они получали разъяснения о природе и сведения о посмертном существовании («Египетская книга мертвых»). Каждый умерший предстал перед загробным судом, который возглавлял бог и первый фараон Осирис. Миф об Осирисе и Исида лежал в основе их мировоззрения. Осирис олицетворял совершенную душу человека, Исида – мудрость и любовь, но ее царство – тайна потустороннего мира. Злой брат Осириса – Тифон – символ низшей природы, убивает высшую природу – Осириса, а живущая в его душе Исида должна найти и сохранить части его мертвого тела, дабы после смерти он озарил ее своим лучом, и она родила бы ему сына – Гора, взявшего на себя задачи отца. Так в мифе отражается путь души: низшая природа должна отмереть, чтобы родилась высшая. Этим путем должен был пройти посвящаемый в египетские мистерии, осуществляемые жрецами, а правление фараонов беспрекословно подчинялось жрецам. При фараоне Рамзесе II в городе под названием Мемфис египтяне воздвигли храм, украшенный золотом и драгоценными камнями, в честь его советника, мудреца, звездочета, архитектора, личного врача и верховного жреца бога Солнца Ра Имхотепа. Именно ему было суждено стать отцом медицины, его же впоследствии «греки стали считать своим собственным богом Асклепием»⁹. В этом храме жрецы причащали ученика (иерофанта) к тайнам души и тела, вводя его, как сейчас бы сказали, в измененное состояние

⁹ Миронов В., Древние цивилизации. – https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/drevnie_civilizaci/index.php

сознания и окружая его с 12 сторон, чтобы уберечь жизненно важные органы от разрушения. За время причащения, которое длилось 3,5 дня, ученик узнавал о тайнах врачевания. В такой же «сон» вводили больного, который просыпался потом с четким знанием о средстве избавления от своей болезни. «Божество вещает устами вопрошающего» – говорили они. Впоследствии эти мистерии перешли в античную Грецию и совершались в храме бога Асклепия – древнегреческого бога медицины во время Элевсинских мистерий. Римляне Асклепий в Эскулапа. Развалины храма Асклепия до сих пор сохранены в Греции, а уже в XVI в. храм Эскулапа был построен в Риме, однако его можно считать пустым, поскольку тайны мистерий исчезли для людей несколько тысячелетий назад.

Наивно думать, что цивилизации следуют друг за другом в четко определенных сроках. Они вдвинуты одна в другую, и наилучшим подтверждением этому является вождь египетской цивилизации Тот, которого греки называли Гермес – Трижды великий (Трисмегист), и считали также своим (позднее римляне называли его Меркурием, а английское слово «thought», как считается, произошло от его имени). Все мудрое, творческое, познавательное, созидательное шло от него. В загробном царстве Тот держал в руках весы, на которых взвешивались все поступки покойного, этот великий маг и тайновидец воскресил Озириса, создал письмо и папирус, науки и образование. Только через совершенное знание, считал он, можно обрести Бога и свое место в мире. Фараоны называли себя «детию Тота», а жрецы «сыновьями Тота». Ввиду огромного почитания, которое питали алхимики к Гермесу Трисмегисту, их сочинения назывались «герметическими», а масонство средних веков основывалось на семи герметических принципах, которые принадлежат его божественному уму и не потеряли актуальности для психологии. Климент Александрийский, который еще застал Египет сохранившим древние традиции (II в.), говорит о 42 «гермесовых» книгах,

ставших каноном священной египетской литературы. В 36 из них была заключена вся философия египтян, которые заучивали жрецы, их содержание относилось к душе и духу. Шесть остальных – медицинского содержания, в них говорилось об устройстве тела, о болезнях, об органах, лекарствах, глазах и гинекологии. Это замечательное соотношение говорит само за себя.

Почему же человек болеет? Гермес, которому было подвластно исцелять неизлечимо больных, выделил семь главных причин болезни.

Первой из них являются дьявольские духи. Таковыми считаются создания, получающиеся в результате дегенеративных действий и существующие за счёт жизненной энергии тех, к кому они прикрепляются. Предотвращаются и лечатся заклинаниями и вызываниями духов, приказом злему духу выйти из пациента.

Второй причиной считается расстройство согласования материальной и духовной природы: эти две природы, не будучи согласованы, производят умственные и физические отклонения. Применяется вибрационное лечение: произнесение заклинаний и священных имён, игра на музыкальных инструментах или цветовая терапия.

Третья причина: болезнь есть следствие злых человеческих мыслей и деяний, что вызывает нездоровье или ненормальность умственного настроения. Меланхолия, страх, чрезмерные страсти (похоть, алчность, ненависть) воздействуют на энергию человека, а через неё на физическое тело, что приводит к язвам, раку, лихорадке, туберкулёзу и т.д. Применялись талисманы, чары и амулеты.

Четвёртой причиной является то, что называют Кармой, то есть законом Справедливости, который требует, чтобы личность платила за несдержанность и проступки в прошлой жизни. Метод заключался в лечении травами и лекарственными растениями, а также металлами и минералами.

Пятая причина заключена в движении и аспектах небесных тел. Звёзды не вызывают болезнь прямо, а скорее приводят ее в

действие. Гермес учил, что сильный и мудрый человек управляет своими звёздами, а слабый и злой управляется ими. Лечение осуществлялось молитвой. Гермес был уверен в заступничестве Бога при облегчении душевных страданий и в исцелении болезней даже при неблагоприятном сочетании звезд.

Шестой причиной болезни называется неверное использование органов тела, как, например, перегрузка мускулов или перенапряжение нервов. Здесь помогает диета и правильный образ жизни.

Седьмой причиной является присутствие в системе организма посторонних тел, нечистот и препятствий, содержащихся в воздухе, солнце, питании. Лечится «практической медициной»: кровопускание, очищение и подобные приёмы¹⁰.

Гермес был автором более 20 тысяч книг, малая часть из которых сохранилась в сборнике «Поймандр» («Пастырь мужей») и «Изумрудной скрижали». В этих грандиозных посланиях рассматривается проблема психической двойственности души, с одной стороны, тяготеющей к земному, а с другой, – к небесному, поэтому посыл заключался в следующем: «отдели землю от огня, отдели плотное от тонкого, и от тебя отойдет всякая темнота». Просветли ранее «темное», т.е. сделай землю, плотное тело или «нижнее» соответствующим тонкому – духу, душе и Божественному, ибо «что находится внизу, подобно тому, что находится наверху». Впервые в истории человечества были затронуты проблемы: полярности всего, прежде всего душевной жизни, временной ритмики череды превращений вплоть до «доблестного посвящения души», динамической вибрации душевных тел, психологической «игры» активного и пассивного, мужского и женского начал, проблема или принцип целостного образа Вселенной, охватывающего многообразное содержание нашего сознания.

¹⁰ Миронов В., Древние цивилизации. – https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/-History/drevnie_civilizaci/index.php

Последний принцип касается причинности или Кармы, а в ключе методологии психологии – детерминизма. Д. Странден интерпретирует этот принцип следующим образом: «Нередко приходится слышать, что признание закона Кармы непременно должно сделать людей равнодушными фаталистами, не способными к активному служению человечеству. Посмотрим, так ли это на самом деле. Совместимо ли учение о Карме со свободой воли? На этот вопрос приходится ответить: и да, и нет. Все зависит от того, что понимается под свободой и под волей. Когда ставят такую дилемму: «человеческая воля или свободна, или несвободна», то совершенно забывают ту очевидную истину, что человек как эмпирическая личность есть не нечто абсолютное, а нечто становящееся. Карма и свобода вполне совместимы, и что Карма и является тем условием, которое позволяет человеку постепенно избавляться от рабства, от подчинения всем низшим стихиям и бесконечно приближаться к истинной свободе. Человек как данная эмпирическая личность и свободен, и несвободен: несвободен он, поскольку связан созданной им в прошлом личной Кармой и коллективной Кармой человечества, и вследствие этого, как мы выражаемся, «невольно» совершает те или иные поступки. Свободен он постольку, поскольку сознательно избирает тот или иной идеал жизни и стремится осуществить его. Высочайший доступный нам идеал есть, в сущности, не что иное, как отражение в сознании нашей преходящей личности нашего бессмертного «я», нашей перевоплощающейся индивидуальности ...В ней, в этой бессмертной индивидуальности, и надо искать истинный корень свободной воли человека, чувство которой неотъемлемо присуще всякому, уже достигшему известной степени духовного развития»¹¹.

¹¹ Странден Д., Герметизм, его происхождение и основные учения, СПб, Изд.-во А.И. Воронец, 1914. – PSYLIB® – Д. Странден. ГЕРМЕТИЗМ

4.

Вождь египетской цивилизации Тот-Гермес плавно перетек в древнегреческую – Кронос (Время) и Гея (Земля) рожают Зевса, Зевс и Майя рожают Гермеса – покровителя путей и путников вплоть до загробной жизни. Здесь Гермес приобретает иные черты: он – бог красноречия, изворотливости и обмана, никто не может превзойти его в ловкости, хитрости и даже в воровстве. Неотъемлемым атрибутом его был кадуцей, ставший символом медицины, – жезл с переплетёнными между собой змеями на вершине. Направление голов змей друг к другу говорит о прекращении борьбы между полярностями души и тела, а вертикаль символизирует воздвижение над низшей природой.

Многие годы Пифагор обучается в Египте и Ассирии, приобретаясь к тайнам зороастризма и Осириса-Изиды, («и тело мое было в каменном гробу, когда меня посвящали»), а по возвращении в Грецию открывает свою мистериальную школу в Дельфах. Ученики сложили о нем присказку: «Среди говорящих тварей есть Боги, есть люди, а еще есть Пифагор». Беды людей проистекают, по убеждению Пифагора, от того, что волю личную они посчитали проявлением воли Богов и отвернулись от света познания и от «души-любви». В его «Золотых стихах» читаем: «Излечи душу. Это откроет тебе путь к освобождению!», ведь Солнце счастья восходит не на внешнем, а на «внутреннем небосводе». И если страдание приходит в твою жизнь, то в прошлой или в этой жизни ты сам своими мыслями и делами привлек его, а когда «горек плод, у каждого есть возможность вращивать в себе иное, чтоб сладок и прекрасен стал результат»¹².

Из сохранившихся источников впервые о локализации души в теле заговорил Пифагор. Квадрат пифагорейцев, во многом совпадающий с дифференциацией душевных тел Аристотеля,

¹² Школа Пифагора в прошлом и сейчас. – <https://ru.pythagoras.name/>

описанной в первой посвященной душе работе – «Трактате о душе», означал четырехчленного человека, который, помимо физического тела, состоял из находящегося в солнечном сплетении жизненного или эфирного тела («трептикон» или растительная душа, по Аристотелю), органа кама или астрального тела, которое было локализовано в крови и сердце («астетикон» или животная душа, по Аристотелю), а спинной и головной мозг отвечал за «Я». Кроме того, выделялись также следующие душевные части: душа ощущающая (оретикон), душа рассудочная (кинетикон) и душа разумная или сознательная (дианоэтикон). Поскольку человеческие страсти заключены в астральном теле, Пифагор объявил именно кровь, пронизывающую все органы, «седалищем души».

В пифагорейской школе строго следовали чистоте мысли, а чтобы сила рассудка не теряла чистоту и остроту, никакое содержание из эгоистической воли или памяти не должно было быть к нему примешано. Наставлялось терпеливо ждать, пока явление само не скажет свое «неизреченное слово». Число и геометрические фигуры, помимо своего математического, магического и космического значения, как нельзя лучше соответствовали требованию такой дисциплины ума.

У колыбели дисциплины ума обычными рассудочными средствами стоит Платон (род. в 427 до Р.Х.). Он «следовал за Пифагором, как в элевсинских мистериях факелonosец, ... но уже по иной дороге»¹³. Греки называли эту дорогу «кинетикон» – душа рассудочная, само название которого (гр. *kinesis* – движение) указывает на динамичность мыслительных актов, результирующих к истине. Ученик Сократа и учитель Аристотеля, он вобрал в себя переживания идей, не подлежащих законам возникновения и уничтожения. Истоки их – Вечное Слово

¹³ *Шюре Э.*, Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий. – <https://religion.wikireading.ru>

(Логос), а их вестница – Любовь и Красота. «Разумность есть знание добра и зла», а «кто учен добру, в силу этого сам делается добрым», – говорил Платон¹⁴. Спустя века, когнитивная психотерапия взяла на вооружение этот тезис и прочно связала психическое здоровье с техниками мышления.

Мир идей (эйдосы) незримо определяет и управляет миром вещей или форм, а чтобы идеи эти познавались человеком, он должен через разум противостоять ложным представлениям. Последовательные, неторопливые, четкие и стройные рассуждения в ходе беседы (метод «повивальной бабки») выправляют мнящиеся представления, приводящие к душевным недугам, и открывают путь к добродетели, любви, красоте и душевному здоровью. Это дало основание для надписи на его могиле:

«Двух Апполон сыновей – Эскулапа родил и Платона.

Тот исцеляет тела, этот – целитель души».

Отметим также, что, по Платону, новое знание – лишь припоминание истины, которую созерцала душа до рождения – «анамнезис»: «Все это некогда видела душа». (Платон, Антология мировой философии, М., 1969, т. 1, стр. 386). Это минующее сознание понятие, предваряющее любой познавательный акт, явилось протофеноменом бессознательного, без которого современная клиническая психология потеряла бы лицо и ориентиры понимания патологий.

Алкмеон Кротонский (540-490 до Р.Х.) – врач, философ и автор первого древнегреческого медицинского трактата получил известность тем, что впервые заговорил о головном мозге как месте локализации мыслей, что позже было отвергнуто Аристотелем, поместившим сознание в сердце. Наблюдая опытным путем вскрытые глазные нервы, он заключил о существовании полых каналов, по которым воздух или жидкость доходят до

¹⁴ Диоген Лаэртский, О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, М., 1979, стр. 154.

мозга. Это было равносильно сенсации, как мы сказали бы сейчас. В индийской «Ригведе», сборнике ведических санскритских гимнов, сердце является местом зарождения мысли; персы, как солнцепоклонники, находили в сердце центр внутренней жизни и солнце тела: египтяне говорили о важной роли сердца в мышлении, о чем сохранилась базальтовая плита, находящаяся сейчас в Британском музее. В эпических поэмах самой Греции, приписываемых Гомеру, сердце есть источник как чувств, так и мыслей. К тому же древний грек не обладал индивидуализированным «Я» для помещения своей мысли в собственной голове. «Боги подарили мне эту мысль», – говорил он, а не в «моей голове возникла мысль». От такого грек ощутил бы себя изувеченным. М. Кобб приводит любопытный эпизод, случившийся с К.Г. Юнгом во время путешествия в Нью-Мексико. Он разговаривал со старейшиной одного из племен по имени Бьяно, который изрек, что не понимает белых людей и считает их жестокими, беспокойными и тревожными. «Мы думаем, они сумасшедшие», – сказал старейшина. Заинтригованный Юнг спросил, почему он так думает. «Они говорят, что думают головой», – ответил тот. «Ну, конечно, а чем вы думаете? – с удивлением поинтересовался Юнг. «Мы думаем этим», – произнес старейшина, указывая на сердце¹⁵. И только потому, что врачеванием и философией занимались лишь избранные, факт гегемонии мозга в жизни души остался незамеченным. Несмотря на то, что ни одно из сочинений Алкмеона не сохранилось, имелись фрагменты, процитированные более поздними мыслителями, один из которых – трактат «О священной болезни» (эпилепсии): «Именно мозг является вместилищем безумия и бреда, страхов и фобий, которые нападают на нас, часто ночью, но иногда даже днем, именно там лежит причина бессонницы и

¹⁵ Кобб М., Мозг: биография. Извилистый путь к пониманию того, как работает наш разум, где хранится память и формируются мысли, Изд-во «Бомбора», 2022. – fb2, epub, pdf на Литрес (litres.ru)

хождения во сне, мыслей, которые не удастся ухватить, позабытых обязанностей и эксцентричных поступков».¹⁶ Вдобавок, здоровье, как считал Алкмеон, обеспечивается равновесием пар противоположностей: влажного и сухого, горячего и холодного, горького и сладкого; болезнь наступает тогда, когда одна из сил берёт господство. Так, легкие соответствуют холодному, соленому и влажному, т.к. связаны с работой флегмы в организме. Господство одной полярности должно нейтрализоваться интенсивностью противоположной, поэтому основным принципом терапии должно быть «лечение противоположного противоположным» и контрастным герметическому принципу – «подобное лечится подобным».

Опытным путем, однако, невозможно наблюдать бессмертную часть человека – душу (псюхе), – она невидима и находится в вечном круговом движении макрокосма, соответствуя ему как микрокосм. Бессмертие души Алкмеон объяснял тем, что «душа, подобно всем божественным небесным телам, постоянно кружится по небесным орбитам»¹⁷. Мы видим: с одной стороны, психическая патология и работа мышления зависит от мозга, т.е. природных процессов, с другой – бессмертная часть принадлежит космосу и не имеет никакого отношения к мозгу. Конфликт был задан и не разрешен по сей день.

По легенде, Асклепий, происходивший из колена Аполлона, был передан его на воспитание кентавру Хирону, который обучил мальчика искусству врачевания, в котором тот достиг небывалых успехов. Он не только лечил разнообразные болезни, но и умел воскрешать мертвых. Культ Асклепия был официально признан в Греции, посвященные ему храмы (асклепионы) стали своего рода больницами, а врачеватели вели свой род от Асклепия и назывались асклепиадами. Один из них – Гиппократ (460-370 до Р.Х.),

¹⁶ Кобб М., там же.

¹⁷ Ивушкина Е.Б., Режабек Е.Я., *Философия и история науки*, СПб, «Алетейя», 2006 г., с. 33. <https://vikent.ru/author/850/>, | НЭБ (rusneb.ru)

по преданию происходил из 42 поколения после рождения Асклепия и оказался одним из талантливейших его учеников. Известно, что его отец, дед и все предки были также асклепиадами. Он первый выделил медицину в отдельную науку, а весь мир признает его отцом современной медицины, ни на минуту не задумываясь, откуда он черпал свои знания, например, о четырех темпераментах. Ведь никакие «опытные» данные неспособны свидетельствовать о том, как в живом организме функционируют эти волшебные соки. Остается предположить, что в мистериальной школе – асклепионе Коса, обучали ясновидческому прозрению в организм, иначе как возможно было увидеть с какой скоростью, с какой спецификой, в каких объемах и в каких системах-органах движутся кровь, лимфа, желтая и черная желчь? Так, движение крови у сангвиника, как объяснял Гиппократ, на какое-то время сдерживается, застаивается, запруживается, и после этой стагнации рывком и с огромной силой разливается по венам.

Сохранилось около 70 сочинений Гиппократа об искусстве врачевания, главный принцип которого заключается в следующем: «Болезнь всегда происходит либо от излишка, либо от недостатка, то есть от нарушения равновесия», что в равной мере относилось и к телесному, и к душевному здоровью, которые, на сей раз, не разделялись. Когда его вызвали на прием к царю Македонии по поводу телесной болезни, он диагностировал у того аггравацию – намеренное преувеличение болезненного состояния. С именем Гиппократа связаны первые упоминания о морально-этическом облике и клятве врача, а также о первой психолого-психиатрической экспертизе. Сохранились свидетельства, что, когда его пригласили для лечения знаменитого Демокрита, посчитав того умалишённым (философ смеялся без видимой причины, настолько смешными казались ему человеческие дела на фоне великого мирового порядка), он постановил, что Демокрит абсолютно здоров и даже является одним из умнейших людей, с которыми ему приходилось общаться. Эта

история является первым упоминанием того, когда общество потребовало подвергнуть медицинскому освидетельствованию на предмет «ненормальности».

Жизнь греческой медицинской мысли продолжилась в т.н. Александрийской школе, представителями которой были врачи Герофил и Эрасистрат (ок. 300-200 гг. до Р.Х.). Оба продвинули соматическую медицину, пытаясь найти локализацию души. Герофил искал ее в головном мозгу, и решил, что мыслящая душа скрывается в нижнем углу ромбовидной ямки, которую назвал «писчее перо». Эрасистрат считал, что сердце движет кровь и воздух по телу, а саму кровь творит печень. Отвергая теорию Гиппократов о четырех жидкостях организма человека, он полагал, что здоровье зависит от взаимодействия в теле двух противоположных элементов: духа и его материального субстрата – крови, через которую проходят космические потоки. И если душа действует в крови и через венозную кровь в легких попадает в сердце, образуя «жизненный дух», то «душевный дух» или «пневма» течет в артериальной крови и попадает в мозг, причем вены и артерии соединены невидимыми нитями (анастомозами). Таким образом, Эрасистрат разделил локализацию души и духа соответственно сердцу и мозгу; дух действует в артериальной крови, душа – в венозной, связь их невидима, видимы только их действия, отраженные в теле. Возможно, психология еще вернется к похищенным у человека подобным объяснениям.

Рассматривая прошлое медицины, куда входит также прошлое клинической психологии, было бы неправильно игнорировать литературные памятники античности. В поэмах Гомера описано множество анатомических понятий, способы лечения поврежденных туловища и конечностей, нагноений от укусов змей, свойства лечебных трав, «какие земля ни рождает» (Илиада, XI). Упоминается также об эпидемии чумы, сумасшествии и меланхолии. Примечательно, что в поэмах не встречается понятие совести, а человека, совершившего преступление, преследуют злые су-

щества возмездия – эринии (в Риме их называли «фуриями»). Олицетворяя угрызения совести и месть, они мучили ужасающими видениями совершившего неблаговидный поступок. Эти видения впоследствии интериоризировались во внутреннюю психическую жизнь и проявились как укоры совести.

Греческая трагедия, выросшая из обрядов мистериального культа, показывала душевные проблемы в перипетиях жизненных судеб. Утверждалось: «Разум видит и разум слышит, и мы обязаны нашим познанием мысли даже тогда, когда нам кажется, что мы обязаны нашим глазам и ушам»; это видение и слушание разумом приводило к осознанию великих проблем человеческой души и ее очищению или, по Аристотелю, катарсису. Примечательно, что трагедии отводилась настолько особенная роль, что «каждый афинский гражданин получал от государства деньги на билет в античный театр»¹⁸. Психологическое врачевание театром строилось также на том, что театр был средством прославления богов. Эти связи впоследствии были расторгнуты римлянами, превратившими театр в цирк.

Не только театр, но и проблемы здоровья и врачевания были неотделимы от нравственно-философских проблем, и в сущности, невозможно понять, где кончаются одни и начинаются другие. Жизнеописание родившегося на стыке эр философа-моралиста и последователя Пифагора Аполлония Тианского включает сообщения о совершённых им чудесах (исцеление больных, воскрешение девушки, умершей в день свадьбы), его выступлениях против деспотической власти императоров, владении дарами прорицания и дальновидения (через видения он мог узнать, например, об убийстве, совершенном в Риме, будучи в Эфесе). Описаны случаи обращения к Аполлонию, когда ритуалы по исцелению в храме Асклепия не приносили успеха. Он в

¹⁸ *Татаркевич В.*, Античная эстетика, М., Изд-во «Искусство», 1977, 326 с. – стр. 46-48

точности описывал из-за каких преступлений, невоздержания или проступков Асклепий отказывал данному человеку в лечении. Сохранилось свидетельство о том, что он своими речами усмирил и переубедил безумца, влюбленного в изваяние Афродиты и намеревавшегося на ней жениться. В другом случае он спас юношу от укуса бешеной собаки, приказав отыскать покусавшую его собаку, однако найти ее было невозможно. Тогда Аполлоний ясновидчески описал этого бешеного пса и указал место, где он находился. Когда собаку приволокли, он погладил ее и велел ей вылизать укушенное место у юноши, дабы «уязвитель обернулся целителем»¹⁹. Он прошёл пятилетний искус молчания, после которого до старости путешествовал, слывя странствующим пифагорейцем, и везде выступал с моральными наставлениями и точными советами по исцелению души, причем «платы за любомудрие» не брал. Он презирал богатство и спесь императоров, отвергал пустую ритуальность, побуждая к внутренней работе, и повсеместно учил созерцательности. Сейчас мы отнесли бы к психосоматике следующее его заявление: «Ярость расцветает безумием, гнев же есть страсть, однако, не смиряемый и не исцеляемый, оборачивается он страданием телесным», – читаем мы в его «Письмах»²⁰. «Никакой смерти нет, кроме как по видимости», потому что, «рожденный становится явным, а после смерти незримым», ибо «бестелесное сработано из представления» – учил Аполлоний²¹. Еще многое из того, что говорил Аполлоний, может быть отнесено к психологии, к примеру: «Люди собственным ошибкам защитники, а чужим – обвинители», – писал он. Чем это не социально-психологическая теория атрибуции, основанная в 1958 г.?

¹⁹ *Флавий Филострат*, Жизнь Аполлония Тианского, М, Изд-во «Наука», 1985, стр. 143-144

²⁰ *Флавий Филострат*, Жизнь Аполлония Тианского, М, Изд-во «Наука», 1985, стр. 213.

²¹ *Флавий Филострат*, там же, стр. 208, 191.

Имея богоподобную репутацию для понимающих его, Аполлоний не только при жизни, но и после смерти полной чашей испил клевету, зависть и доносы в свой адрес. Его обвиняли в волховании, предавали суду, считали обманщиком. В своей книге «Тайная доктрина» Е.П. Блаватская отзывается о нем как о великом святом: «История сделала все, чтобы вытравить память о нем. ...Серьезно обсуждали его историки, претенциозные глупцы, но будучи не в состоянии прийти к какому-либо заключению по поводу этого мудреца, пытались отрицать само его существование».

5.

Повторим еще раз грандиозную мысль Аполлония Тианского: «Уязвитель становится целителем», иначе, рану лечит тот, кто ее причинил, наносящий зло приводит к еще большему добру, исцеленная болезнь приводит к еще большему здоровью, преодоленный страх укрепляет душевные силы, святой не предаёт преступника, но спасает его (эта тема обыграна в романе В. Гюго «Отверженные»), высшее вбирает в себя низшее и преобразует в высшее, а подверженное гибели спасается через сопротивление и борьбу со смертью. Отголосок этой идеи слышим в «Фаусте», который говорит устами Мефистофеля: «Я – часть той силы, что вечно хочет зла, но совершает вечно благо». Задолго до Гете эту идею развил в учение родившийся в 216 г. после Р.Х. основатель манихейства Мани.

Его называли пророком, художником, проповедником, мистиком, сам же он называл себя просто: «Мани, апостол Иисуса Христа». Он следовал Христу не в чине благочестивого церковника и в не смысле наивной и полубессознательной веры, а строил свое отношение в «живом разуме», чему впоследствии воспротивился Августин Блаженный, сформулировавший в своем труде «О свободе воли» закон соотношения между верой и разумом: «Если не уверуете, то не поймете». Наоборот, считал Мани, истинная вера строится на познании Христа и знании добра и зла. Сквозь тысячелетия протягиваются идейные нити: К. Юнг многократно настаивал на том, что современному человеку недостаточно верить, ему необходимо знать. Сам же, на вопрос о том, верует ли он, неизменно отвечал: «Я не верю, Я знаю».

В основе манихейства лежит принцип дуализма, утверждающий извечность борьбы двух богов – древнеперсидских Аримана и Ормузда, воплотивших добро и зло, свет и тьму. Связывая зло с материей, а добро со светом, как духовным началом, манихейство рассматривало мир, ограниченный пространством и временем,

как воплощение зла, а цель мирового развития видело в «спасении» частиц вечного света, заключенного в душе. Эти частицы постепенно смогут просветлить не только душу, но чувственный мир с находящейся в ней материей, включая тело. Облагороженная и просветленная материя свободна от всякого недуга. Достигшие просветления избранные люди – деятельные, справедливые и чистые, должны обучить человечество преодолевать зло, и чем больше оно будет преодолеваться и трансформироваться, тем больше добра вольется в мир. «В Земле Света царит Отец Величия, который располагает пятью жилищами: Умом, Наукой, Мыслью, Размышлением и Пониманием. Ему противостоит Царь Тьмы ... с пятью темными мирами: мир Дыма, опустошительного Огня, разрушительного Ветра, грязной Воды и Тьмы. Последняя полностью бездуховна, агрессивна, и творения ее безобразны²². Соответственно, ум может туманиться и покрываться дымом, понимание затемняться и т.д. Согласно пророчеству Мани, в жизни человечества наступит гармоничное «третье время», когда зло окончательного отделится от добра, а до тех пор эта полярная борьба будет составлять основную задачу души человека. При этом, «борьба со злом неотделима от поисков конкретного виновника несчастий, носителя мирового и социального зла, поэтому грех объясняется в манихействе не проявлением свободной человеческой воли, но наличием в человеке космического злого начала»²³. Злое начало включено в развитие человека, но нет никакой предопределенности, потому что при условии свободного распознавания его в душе, космические силы идут навстречу человеку, а не примитивно наказывают его за грехи. Это должно происходить без диктовки церковных авторитетов. Отсюда жестокое подавление этих идей на протяжении столетий. «Моя церковь превосходит (другие) в мудрости», – говорил Мани.

²² Гюиз Ф. Древняя Персия. М., Изд-во «Вече», 2007, стр. 162-166.

²³ Кирилленко Г.Г., Шевцов Е.В. Краткий философский словарь, М. 2010, стр. 211-212.

Сложность понимания манихейства объясняется, во-первых, тем, что большинство его положений изложены в форме образов, но мыслить мифологически не значит мыслить не логически. Одна из заповедей адепта манихейства гласила: «не иметь двух мнений», что говорило о требовании последовательного, контролируемого и честного мышления. Столетия после Мани показали все разгорающееся торжество двойных стандартов в мышлении, достаточно прослушать речи современных, так сказать, правителей. Во-вторых, ввиду гонений и преследований, начавшихся с указа римского императора Диоклетиана в 297 г., сохранилась лишь малая часть учения, но и та держится в тайне.

Ничто недостойное не сохраняется в веках и не преследуется так рьяно. Манихейство стало значимым в истории человечества духовным течением, и, вопреки ожесточенному подавлению религии, продолжило свое существование в качестве тайных сект в Армении, на Балканах, Франции, Китае: павликиане, тондракийцы, богомилы, альбигойцы, катары. Все они, с незначительными различиями, проповедовали любовь, моральную чистоту, силу духа, свободу внутри души, самостоятельное познание душевных содержаний, отказ от смешения понятий, относящихся к Троице. Столетиями вся «мировая ересь» носила имя манихейства, противопоставившего «простую жизнь апостолов» роскошеству, догматизму, централизации и укреплению власти церкви, прежде всего, в сфере власти над мышлением человека. Идеи манихейства стали осевыми в истории мировоззрений и имеют прямое отношение к психологии, поскольку расчистили выходы для возникновения и становления самосознания.

6.

Древний Рим малой частью перенял и большей частью видоизменил достижения Греции. Здесь на государственном уровне было разработано законодательство для врачебного дела и каноны специализации врачей. Работа осуществлялась на основе соглашения больного и лечащего его врача, введена была должность главного врача, следившего за работой врачей-рабов, имеющегося у каждого обеспеченного римского гражданина. Чтобы сохранить боеспособность армии и оказывать хирургическую помощь в сражениях, были созданы военные госпитали, где развивалась хирургия, было введено санитарное, климатическое и диетическое лечение. Лукреций Кар (99-54 гг. до Р.Х.) – главный представитель римского материализма и атеизма заговорил об атомах – невидимых простым глазом частицах, из которых отдельные являются болезнетворными и могут вызывать болезни. Правильное расположение атомов стало залогом здоровья, а «гибельно смешанный воздух» – несущим в организм семена болезни и смерти. В целом, рубеж тысячелетия ознаменовался креном в сторону материализма и естествознания, а в общественной жизни возник и окреп «Левиафан» – символ государственной, а позднее церковной власти. Понятно, что в такой обстановке храмовая медицина и лечение души играли крайне незначительную роль. В самой Греции перестали отправляться мистериальные культы под лаврами и кипарисами под журчание минеральных вод. Асклепий уже не исцелял, а Аполлон – бог красоты, искусств и врачевания, прекратил свои пророчества через сивилл. Последнее из них, услышанное в Дельфах у подножия его храма, на котором высечено бессмертное: «Познай самого себя», звучало так: «Скажите властителю, в руинах лежит благословенное искусствами место. Нет больше у Феба крыши над головой и пророческого лавра. Затих говорящий источник, журчание вод его смолкло».

Авл Корнелий Цельс (Aulus Cornelius Celsus) родился в Риме около 25 г. до Р.Х. Будучи не врачом, но разносторонне образованным человеком, он собрал свои обширные медицинские знания в огромную энциклопедию, где нашлось место для первой классификации душевных болезней. У Цельса общим названием для всех видов душевного расстройства служит «*insania*» – безумие, что является точным переводом греческого «паранойя». Цельс различает три вида безумия, тем самым закладывая основы классификации, с которой «ВОЗ» «возится» до сих пор:

1. Френиит – острое заболевание, сопровождающееся лихорадкой с расстройством психической деятельности, представляющее разнообразные картины: от легкого возбуждения с веселым оттенком, до глубокой печали, большой раздражительности, даже буйства, когда бывает необходимость связывать больного и держать его в темноте.

2. Меланхолия — второй вид безумия, которое овладевает человеком на более долгое время, начинается почти без лихорадки, а потом дает легкие припадки последней. Эта болезнь состоит в печали, которая, по-видимому, причиняется разлитием черной желчи. Лечение меланхолии состоит в кровопусканиях, а если они противопоказаны в виду общей слабости больного, то можно заменить их рвотными средствами. При этом очень важно внушить больному бодрость духа, развлекая его разговорами на такие темы, которые ему были приятны раньше.

3. Третий род безумия — самый длительный из всех. Эта болезнь проявляется в двух видах: во-первых, человека могут обманывать восприятия; во-вторых — мысли. При этой болезни необходимо прежде всего выяснить, находятся ли больные в веселом или печальном настроении; если они веселы и притом чрезмерно возбуждены и склонны к насилию, им дают рвотное. В случае отказа от лекарства, последнее подмешивают в хлеб. Вообще же таких больных надо крепко держать в руках: когда не помогают уговоры, действуют голодом, связывают, бьют.

Никогда не следует верить, когда больные говорят, что поправились, не развязывать и не отпускать их, несмотря на все просьбы и на разумные с виду доводы, ибо это безумное мошенничество.

Для лечения он советовал пользоваться массажем, умеренной гимнастикой, воздерживаться от жирного мяса и от вина; учил, что не следует окружать душевнобольных людьми, которые им неизвестны или антипатичны; вместе с тем он предостерегал от оставления их в одиночестве и даже советовал отправлять в путешествие²⁴.

Уникальность Цельса, названного «Цицероном медицины» за изящный язык и введение медицинских терминов, заключается в том, что, собрав в своей энциклопедии только рациональные знания по медицине, назвав термины и подробно их описав, он впервые заложил поразительно жизнестойкую традицию ограничивать этим медицину и познание души. Пройдет 15 веков, прежде чем Парацельс, взявший его имя с добавлением приставки «пара» (гр. «пара» в данном случае употребляется в значении «выше» и «против») на примере своей жизни показал, что врач – не набитый терминологией некто, кто, не зная причин, описывает болезнь. Но линия господства энциклопедических знаний порознь и вразброс оказалась удивительно живучей. С тех пор медицина и психология обросли невероятным количеством терминов, и следует представить «плотность» набивания, которыми полон сегодняшний ученый, попавший в «полон» к терминам и не успевающий до конца осмыслить хотя бы малую часть из них.

Выходец из Александрийской медицинской школы, римлянин Гален родился в 129 г. от Р.Х. в городе Пергам. Хотя в его городе находился асклепион, он предпочел обучаться во многих других странах, в том числе Киликии. Вернувшись в родной город, стал врачом гладиаторов и придворным лекарем Марка Аврелия. Игнорируя боль животных, он зрелищно проводил

²⁴ *Каннабих Ю.*, История психиатрии. – <http://www.psychiatry.ru/lib/1/book/9>

опыты и стал первым «правоверным» исполнителем вивисекции. Он был так тронут ужасами, которые сам же и учинял, что предпочитал проводить вивисекцию над свиньями, избегая опытов с обезьянами, потому что выражение их морды во время эксперимента было слишком жалким. Разумеется, ни в опытах над животными, ни в лечении ран и переломов гладиаторов ни о какой анестезии речи не было. На основании опытов Гален обосновал важность мозга, «похоронив» идею о центральной роли сердца в психических процессах и духа в кровообращении («по артериям движется кровь, а не пневма!»). «Вскрыв живое подопытное животное, он заставлял сжать сердце зверя и не давать ему биться. Даже когда сердце остановилось, бедное создание продолжало приглушенно скулить, демонстрируя, что движение сердца не обязательно для того, чтобы животное издавало звуки»²⁵. Если нет никакого духа, а есть только кровь, то «психические болезни – результат неправильной работы мозга, а сам мозг является средоточием движения, чувствительности и душевной деятельности», – решительно заявлял Гален в более чем 170 медицинских трактатах, и «отзвуки» его голоса слышимы в веках вплоть до современной нейропсихологии. До дня сегодняшнего слышится еще один «отзвук»: именно Гален со своими походящими на шоу опытами с животными впервые известил о доказательности в науке, потому что, показывая, доказывал, в чем нисколько не нуждались прежние цивилизации, возможно не будут нуждаться и будущие.

²⁵ *Кобб М.*, Мозг: биография. Извилистый путь к пониманию того, как работает наш разум, где хранится память и формируются мысли, изд-во «Бомбора», 2022. – fb2, epub, pdf на Литрес (litres.ru)

7.

Пару столетий спустя после величайшего космического и земного события человечества – Мистерии Голгофы, Рим начал экзекуцию эллинизма: бескровные методы лечения заменила хирургия, этическая направленность философии Платона, холизм неоплатоника Плотина («мир – един, а душа прекраснее косной материи»), идеал свободного от страстей мудреца стоиков и многое другое «потонули» в зарождающемся материализме науки и постановлениях церкви. Слова Тертуллиана: «Anima naturaliter christiana» («душа по природе христианка») были забыты вплоть до того, как К. Юнг не сделал их своей излюбленной цитатой. Психологам стоило бы повсеместно цитировать и другие откровения этого уроженца Карфагена, к примеру, что в душе, как в божественном образе, соединяются две различные субстанции – «дух» и «тело», что ведущее начало души есть самоощущение, которое «есть душа души» (по сути «Я» или самосознание); что двумя главными видами познания являются Откровение и естественное познание, которое начинается с чувственного восприятия, при этом чувства не обманчивы, т.е. ощущения сами по себе содержат правильные представления, оформляемые в понятия; что должно быть постулирована свобода от произвола внешней причинности и найдены естественные основы нравственной жизни²⁶. На последнее стоило бы обратить особое внимание. Вся многовековая драма человеческих испытаний, включая патологию, высвечивается смыслом: если душа – христианка по своей природе, следовательно, основания морали также природны, т.е. существуют «при» роде, «для» рода и «во имя» рода человеческого.

²⁶ Электронная библиотека ИФ РАН, «Новая философская энциклопедия». – <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about>

Девиация от рода и разрыв между природным и моральным спустя восемнадцать столетий после Тертуллиана обернулись уродством: все патологическое вплоть до инцеста и педофилии находится в преддверии того, чтобы считаться природным и естественным. Да, это находится при дверях и ждет своего часа со стороны известной организации, а запрет на терминологию и политкорректная замена соответствующих патологий на: «люди с особыми потребностями» – прямое тому свидетельство. То, что подобная политкорректность не воспринимается специалистами как варварство, объясняется непродуманным и дремотным отношением к событиям в науках о психическом здоровье, а также тем, что запрет на терминологию прикрывается вежливостью, оплаченной очень дорогой ценой, возможно, не только в переносном смысле. Эта «мелкая» уступка патологии открывает крупные перспективы уничтожения культуры, в том числе клинической психологии в отместку за излишнее копание в душе в противовес естественной, точнее, «неестественной» науке.

Стоит ли говорить, что, если душа – христианка по природе, стало быть, нехристианская душа – противоестественна и безумна, и, ею в таком случае овладевают демоны, о которых Тертуллиан говорил, как если бы знал их в лицо. Забегая вперед, спросим: «Что нужно было сделать, чтобы дискредитировать такой взгляд на природу безумия?» Возжечь еретические костры, что и сделала католическая церковь, соединив больных, безумных, посягнувших дьяволу и ходящих в свете истинных христиан в одном пепелище.

Другой мученически окончивший жизнь еретик – Ориген, движимый независимым от постановлений церкви интроспективным опытом души, дошел до головокружительных прозрений только силой своего разума. «Основание человека – разумно», – убеждал он. Человечество делится на плотское, душевное и духовное, также Библия имеет телесное (буквальное), душевное (моральное) и духовное (мистическое) прочтение. Через череду

перевоплощений человек раз за разом поднимается по иерархической лестнице разумных существ, ибо достигает духовного прочтения Святого писания. «Впрочем, некоторые из существ, обладающих наилучшими заслугами, страдают вместе с остальными ради украшения состояния мира, и научаются служить низшим тварям» («О началах»), чтобы помогать в наставлении и освобождении своих собратьев, и, следовательно, смерть праведника имеет искупительное значение для всего мира»²⁷. Каждое наказание – болезнь, бедствия и всяческое страдание в конечном итоге направлено на исправление и совершенствование, и чем злее грех, тем суровее исправление. Речь идет не о плоском церковном наказании за грехи, а о причинных взаимоотношениях высокого, космического порядка, для понимания которых качественно изменяется само мышление, чтобы «плотски мыслящие дети» достигли «духовного возраста», отвыкли «от материнского молока» и стали «нуждаться в пище твердой»²⁸. Не только верить, но быть борцом в мышлении, домысливать трудные и далеко отстоящие друг от друга мыслительные связи, не бояться открывающихся здесь нелицеприятных открытий, вопрошать о первопричинах душевной жизни, не отвращаться от духовности, но не в смысле абстрактных духовных рассуждений, а внутренне выверенных, не податливых рассудку фактов. По Оригену, это будет означать не отстранять от себя «печаль на печаль», но ожидать «надежду на надежду». На века призыв этот остался гласом вопиющего в пустыне, но лучше всех с ним расправился Кант, впихнув трудно постигаемые реалии душевной жизни, находящиеся за пределами рассудка, в непознаваемую вещь-в-себе, еще более непознаваемую, чем, по его мнению, непозна-

²⁷ Цит. по: Александр Дворкин, Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. – <https://sedmitza.ru/lib/text/434637/>

²⁸ Ориген, «Увещание к мученичеству». – <https://azbyka.ru/otechnik/Origen/uveshanie-k-muchenichestvu/>

ваемое. Разум, на который уповал Ориген, «сдался» и все стремления были отданы на откуп рассудку, мозгу, схемам и цифрам.

Около 450 г. Римская империя пала, ее восточная часть оформилась в Византию, просуществовавшую тысячу лет, пока не была сожрана османами, захватившими Константинополь, а ее западная часть в силу внутривосточных причин и нашествия варваров, смогла продержаться всего восемь десятков лет. С ее распадом в Европе начинается период Средневековья. В свою очередь, конец средневековья ознаменовался падением Константинополя.

8.

Средневековая медицина (и сопутствующая ей история понимания психологических проблем) имеет два течения. Одно началось с закрытия афинской школы и изгнания греческих философов в Персию (529 г.) – эта линия продолжается по сей день, другое, подводное, связано с развитием алхимии на Западе и продолжением идей неоплатонизма в философии и натур-философии.

На юге Ирана, при дворе Гаруна аль Рашида была открыта академия Гонди-Шапура, некий центр развития наук, вобравший в себя христианские, языческие течения из всех близлежащих стран. Стремительно строились обсерватории, здания для научной и переводческой работы, библиотеки. Медицине здесь отводилась особенная роль. Переводились относящиеся к медицине труды Гиппократов, Галена, работы по гигиене и профилактике болезней, перенимался опыт растительного, животного и минерального лечения. Еще в IV в. в Византийской империи и Западной Армении славились больницы, не идущие ни в какое сравнение с Западом. В Иране такие больницы открылись с еще бóльшим размахом. При больницах существовали аптеки для приготовления и продажи лекарств. Значительный прогресс в области химии позволил им заложить основы фармакотерапии. Так, они изобрели перегонный куб, применили фильтрование, получили азотную и соляную кислоты, хлорную известь и спирт, которому дали название «алко-холь»; мёд в лечебных целях заменили на изобретенный ими сахарный сироп, который сдабривали различными пряностями и вытяжками из растений. Кашицей из опия и змеиного мяса, как бы сказали бы мы теперь, поднимали иммунитет, а рецепты лечения проказы и чумы хранились в строжайшем секрете.

В результате завоеваний арабов были захвачены Иран, Сирия, Палестина, Египет, значительная часть Армении и

Грузии, а с возникновением ислама в 622 г. арабам удалось основать обширную мусульманскую державу – Халифат. Несмотря на любопытный дидактический принцип, появившийся с возникновением ислама – «если науки учат тому, что написано в Коране, они излишни, если же они учат другому, они безбожны и преступны», наука, в частности медицина, не притормозила свои обороты. Выходцы из академии Гонди-Шапура стали придворными врачами при арабских халифах, а достижения иранской академии перетекли в арабскую культуру, откуда распространились на Среднюю Азию, Закавказье, Испанию, а потом на всю Западную Европу. Среди выходцев стоит упомянуть придворного врача аль-Мансура, известного чудесным излечением халифа от неизлечимой болезни, Джурджус ибн Бахтишу – основателя династии придворных врачей-христиан, известного алхимика Джабира ибн Гайяна, Закарийа Ар-Рази – автора обширного труда по медицине («Всеобъемлющая книга по медицине» в 25 томах), Ибн Сину – автора энциклопедии медицины под названием «Канон врачебной науки», по которой до XVIII в. обучали медицине в главнейших университетах Франции, Испании, Италии, Англии и Германии. По сравнению с Западом, арабы были гораздо более продвинуты и в отношении бытовой культуры – еде, личной гигиене, торговле и ремеслах.

В трудах индийских, китайских и египетских авторов разрабатывались основы алхимии и говорилось о двух составных элементах металлов – сере и ртути. Арабский алхимик Джабир ибн Гайян (род. ок. 721 г.), пытался превращать неблагородные металлы в благородные. Он искал эликсир – вещество, ускоряющее превращение или трансмутацию металлов. Впоследствии в Европе это вещество получило название философского камня. Джабир считал, что ртуть является «душой» металла. Сера и ртуть, соединяясь в различных отношениях, и образуют семь металлов. Золото, как наиболее совершенный металл, образуется, если вполне чистые сера и ртуть взяты в наиболее благоприятных

соотношениях. Трансмутация металлов, получившая у европейских алхимиков название философского камня, должна была излечивать людей от всех болезней и даже давать им бессмертие, но об удачах или неудачах Джабира по трансмутации металлов история умалчивает.

За другим арабским алхимиком и врачом Закарийя Ар-Рази (род. в 865 г.) закрепилось несколько открытий в области хирургии, лечения оспы и кори. Он описал множество симптомов болезней, и, будучи прекрасным химиком, изучал действие солей ртути на организм обезьян. Ар-Рази считал, что «один врач не может лечить все болезни» и ратовал за дифференциацию врачебных специальностей²⁹. Существуют, по его мнению, пять принципов: творец, душа, материя, время и пространство, а все вещи состоят из неделимых элементов (атомов) и пустого пространства между ними. Среди его алхимических сочинений наиболее известны «Книга тайн» и «Книга тайны тайн», т.к. он считал занятия алхимией самым тайным делом.

Вклад Ибн Сины или Авиценны (980-1037) в медицину огромен. В отмеченном «Каноне» он дал точное описание клинической картины астмы, туберкулеза, менингита, выделил 20 видов лихорадок, классифицировал инфекционные болезни, предложил лечить бешенство вытяжкой из печени бешеной собаки, предсказал прививки, был превосходным хирургом, указал действия, способы применения, правила сбора и хранения более 800 лекарственных растений, призывал к изучению здоровья здорового, заложил основы психиатрии. Он полагал, что часть души в мозге отвечает за разум, часть – в сердце – отвечает за эмоции и аффекты, остальная часть, находящаяся в печени, отвечает за проявление потребностей и влечений. Он отвергал влияние демонических существ на душевную жизнь и считал, что

²⁹ Средние века, Медицина в Халифатах, Закавказье и Средней Азии, кафедра истории медицины МГМСУ им. А.И. Евдокимова. – https://www.historymed.ru/education/education_lecture7

психические заболевания являются следствием исключительно материальных причин. Однако стоит большого труда состыковать это суждение со следующим известным его положением: «Главным в лечении является внушение, далее следует лекарство и уж в самую последнюю очередь – нож». Если все причины материальны, как и посредством чего помогает внушение?

По указанию Ибн Сины, лечение как соматических, так и психических болезней должно осуществляться на основе гуморального учения Гипократа о четырех соках. Душа связана с материей и эта материя – мозг, разным отделам которого соответствуют разные психические процессы: «Хранилище представления, расположено в передней части мозга. Вот почему, когда эта часть повреждена, сфера представления нарушается. Хранилищем того, что воспринимает идею, является сила, называемая памятью, и она расположена в задней части мозга. Средняя часть мозга создана в качестве места силы воображения». Эти и другие наблюдения позволяют говорить об Ибн Сине как основателе нейропсихологии. Что касается таких явлений как сновидения, пророчества, чудеса или таинства, то под влиянием суфизма он, хотя и принимал их метафизичность, как материалист также предлагал подходить к ним как к природным явлениям. Однако, какие именно природные, телесные процессы ответственны за, например, пророчество, Ибн Сина не раскрыл, честно признавая:

Сердце жадно спешило пройти этот путь,
Все понять и в глубины вещей заглянуть.
Мудрость – тысяча солнц! – мне в дороге светила
Сердцевины достиг, но не познана суть.

В своем «Жизнеописании» он рассказывает, как его вызвали к больному правителю Бухары, где ему разрешили изучить книги по медицине: «В каждой комнате были сундуки с книгами, поставленные один на другой. Я увидел там книги, названия которых многие люди никогда не слышали, и сам я не видел их ни ранее, ни после того. Я прочел те книги, усвоил все полезное,

что было в них. Когда я достиг восемнадцати лет, я завершил изучение всех наук». Там же читаем следующее: «Медицина не из трудных наук, и поэтому за короткое время я настолько овладел ею, что даже самые превосходные мужи медицины стали учиться у меня науке врачевания. Я стал посещать больных, благодаря приобретенному опыту передо мною открылись неопишуемые врата врачевания. В это время я был юношей шестнадцати лет». Исследователи сходятся во мнении, что Ибн Сину по праву можно считать основателем психосоматики (наблюдения показали, что желудочно-кишечные расстройства могут происходить от сильного горя, гнева или огорчения), а также отцом экспериментальной психологии. Остается предположить, что подобные наблюдения и эксперименты достаточны для того, чтобы считать медицину «не из трудных наук», а в восемнадцать лет спокойно завершить познание души и тела. Нет сомнения в том, что ему в этом помогала особая смекалка и практический ум. Сохранились предания, согласно которым Ибн Сина диагностировал юношу, определив по пульсу любовную меланхолию, называя наименования мест и наткнувшись на название того места, где жила девушка, в которую тот был влюблен. Однажды он излечил сумасшедшего, вообразившего себя коровой. Тот был измучен, требовал себя резать и много дней отказывался от еды. Пощупав больному бока и замахнувшись на него ножом, Ибн Сина сказал: «Эта корова очень худая, и ее резать нельзя. Давайте ей в течение нескольких дней обильную пищу, чтобы она пожирнела, а потом я приду и зарежу ее». В тот же день сумасшедший накинулся на еду, в которую Ибн Сина велел подмешивать лекарства.

В отношении алхимии Ибн Сина высказался весьма скептически: «Алхимики утверждают, что они будто бы в силах осуществить подлинные превращения веществ. Однако они могут лишь производить превосходные имитации, окрашивая красный металл в белый цвет, так что он становится похожим на серебро,

или окрашивая его в желтый цвет, так что он становится похожим на золото... Я не отрицаю, что при подобных переменах во внешнем виде металлов может быть достигнута такая степень сходства, что даже очень опытные люди могут обмануться. Однако возможность уничтожения специфических различий между металлами или сообщение металлу специфических свойств другого металла никогда не была ясной для меня. Наоборот, я считаю это невозможным, т.к. нет путей для превращения одного металла в другой»³⁰.

Подведем итоги. Средневековую медицину принято называть «арабской», но большей частью это остатки культуры сасанидского Ирана, а также Ассирии, Вавилона и Греции. С последней она менее однородна, поскольку выхолостила дух эллинской культуры, но в значительной степени повторила дух Академии Гонди-Шапура. Принято считать также, что она сохранила, дополнила и возвратила в Европу в усовершенствованном виде все важнейшие знания, накопленные до Халифата. В этом есть правда и неправда одновременно: правда в отношении продвижения экспериментального механизма науки и неправда в отношении изничтожения духа науки, внутреннего мотивационного нерва познания. Историки медицины переполнены восхищением восточным естественнонаучным знанием, а последующие медики – чувством благодарности к арабизму, меж тем, как чувство благодарности к высшей сфере Универсума и долга перед ним, претерпели основательную амнезию. «Мы должны закрыть глаза тела, чтобы открыть другое видение, которым действительно обладают все, но пользуются очень немногие», – писал Плотин в «Энеаде». Гонди-Шапур и Халифат сделали в точности наоборот: широко раскрыли глаза и напрочь закрыли исток творческой потенции для понимания душевных явлений.

³⁰ *Фигуровский Н.А.*, Очерк общей истории химии. От древнейших времен до начала XIX в., Издательство «Наука», Москва, 1969 г. – <http://www.biografia.ru/arhiv/himia.html>

Апостольский «дух закона» был перекрыт «буквой закона». В арабизме потонул эллинистический холизм восприятия человека, к которому привела дифференциация врачебных специальностей и разделение душевных и телесных болезней. Как живая сила меда отличается от мертвящего духа искусственного сахара, знание о лечебных свойствах веществ, полученное греками при отправлении культа Асклепия, средневековые иранцы и арабы получали химико-экспериментальным путем. Арабская алхимия по праву называется физико-мистикой или просто химией с приставкой «ал», указывающую на святость химии без носителя этой святости. Это не было даже сплавом колдовства и химии, а просто химией, не идущей ни в какое сравнение с последующими алхимиками европейского Средневековья или алхимией христианских докторов, поставившим во главу угла уровень развития морали и сознательности того, кто эту трансмутацию совершает, и его, как сказал бы Э. Эриксон, «базовое доверие» к течению процесса жизни в противоположность опоры на «голый» эксперимент.

9.

Золотой век ислама и арабской культуры совпал с величайшим по масштабам трагедии событием. Для Европы и мира в целом оно осталось незаметным, но последствия его были и остаются громадными. В 869 г. был созван VIII Вселенский собор в Константинополе, где рассматривался вопрос о вторичном воздвижении или низложении Фотия на патриарший престол. Содержание Собора состояло из крайне запутанных богословских споров и мастерских интриг. Уже то, что он утвердился в католической традиции в качестве «8-го Вселенского», потом был признан 4-м, что одни считали, что «он не должен числиться среди других святых Соборов Церкви», а другие призывали включить его в число важнейших Вселенских Соборов, что «Собор был забыт и остались без употребления его правила», говорит о какой-то «странной канители» вокруг него.³¹ На упомянутом Соборе постановили: отныне человек состоит не из духа, души и тела, а только из души и тела. Двойное лукавство этого собора заключалось в том, что церковная и светская власть «протокнула» это решение «под шумок» многоречивых и двух-летних богословских споров, а также в замалчивании данного факта вплоть до наших дней, меж тем, как именно он определил судьбы науки, и, прежде всего, еще не существовавшей психологии. Вовсе не случайно, что павликиане отказывались от почитания Вселенских соборов³². Решение Собора имело грандиозные последствия. «Если действительно хотят понять происхождение материализма исторически-психологически, то его следует искать в церкви», поскольку там решили: что сверхчувственное

³¹ *Лебедев А.П.*, История разделения церквей в IX, X и XI в., СПб., Изд-во «Олега Абышко», 2010, 352 стр. – https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Lebedev/-istorija-razdelenija-tserkvej-v-ix-m-x-i-xi-vekah/

³² *Сысой В.Л.*, Павликианство в Византии, электронная библиотека БГУ, стр. 82. – <https://elib.bsu.by/handle/123456789/227009>.

вообще лишь измышлено человеком и никакой реальностью не обладает»; всякая наука, достойная этого звания, может трактовать лишь только чувственно-физические события; духовной науки быть не может, т.к. нет никакого духа; человеческая способность познания предназначена лишь для понимания чувственных взаимосвязей; сверхчувственное должно быть предоставлено откровению, но о нем нечего говорить, ибо всякие разговоры ведут к ереси и к заблуждениям». Так были заложены основы естественнонаучного материализма, и «человек все более и более стал вгоняться в эгоизм»³³. В итоге, католическое христианство, с одной стороны, арабское просветительство – с другой, закрыли доступ к восприятию идей и идеалов, инспирированных из идеального мира. Но постановление какого угодно Собора на земле о том, что «никакого духа нет» не означает, что никакого духа нет в макрокосме, и, следовательно, в человеке, как микрокосме.

Армения, как один из центров средневековой культуры, разделила судьбу времени: арабская наука, и в частности медицина, продолжается в многочисленных армянских школах высшего типа на территории Армении (Ани, Ахпат, Санаин, Гладзор и др.) и вне ее (Византия, Иран), но также мощно действует дух, несмотря на умерщвление сотен тысяч павликиан и тондракийцев.

В Высших школах изучали анатомию, внутренние болезни, лекарствоведение, хирургию, производились анатомические вскрытия и научные исследования больных. В Армении раньше, чем в других христианских странах, сформировалась так называемая «монастырская психиатрия», и отношение Армянской церкви к психически больным было несравнимо более гуманным, чем в Европе. Еще в V веке армянский философ Езник Кохбаци писал,

³³ *Штайнер Р.*, Умирание Земли и жизнь мира Дорнах, 1967, цит. по: Энциклопедия духовной науки, сост. Г.А. Бондарев, М., 1999. – http://bdn-steiner.ru/modules.php?name=Ga_Book&Id=181

что «психические болезни происходят не от грехов, они есть результат нарушения соответствия веществ в организме»³⁴.

Врач, астроном и философ Мхитар Гераци (XII в.) является основоположником армянской классической медицины. Помимо трудов по лечению лихорадки, острых инфекционных заболеваний, глазных болезней, наставлений по хирургии, диетотерапии и др., он исследовал лечебные свойства драгоценных камней, определял показатели землетрясений и других природных явлений. Подвижный ум Гераци сподвигнул его рассматривать болезнь в динамике, выделив в ней 4 стадии, и разработал тактику лечения по каждой из них. Наряду с лекарственным лечением ввел диетотерапию и усиленное питание, например, при туберкулезе. Не меньшее значение придавал Гераци физическим методам лечения – водные процедуры, массаж, ингаляции, физические упражнения, а также «психотерапии, используя в этих целях музыку. При кратковременном психическом недомогании, возникшем «от забот и горестей», он наставлял: «Развлеки больного играми и шутками и доставь ему радость. Пусть больше слушает гусанов, звуки струн и приятные мелодии»³⁵.

Амирдовлат Амасиаци (XV век) – автор целого ряда медицинских трудов, среди которых самый известный – «Ненужное для неучей», – обширный теоретический и практический сборник, по которому изучают тайны применения лекарственных средств даже современные фитотерапевты. Им была создана медицинская школа, он имел почетное звание ученого медика, был личным врачом султана Мехмеда II, написал серьезную астрономическую работу, интересовался философией, ратовал за «институт» семейных врачей, сравнивая их со священниками, десятилетиями изучал знахарские методы лечения, владел

³⁴ Сукиасян Г., Краткая история армянской психиатрии // журнал «Հոգեկան և մտքագործուն հայկական հանդես» 2014; 5(2), стр. 58.

³⁵ Сорокина Т.С., История медицины. Т.1, М., 2008. – <https://e-library.namdu.uz/>

шестью языками, был лучшим хирургом-окулистом, назван армянским гением эпохи Возрождения, был прекрасным дидактиком и любимцем учеников, от которых, помимо любви к знаниям, непременно требовал нравственного усовершенствования и духовного развития. Нередко свои наставления ученикам он облакал в поэтическую форму, что говорит об особом вдохновении наукой и об отношении к ней, как к искусству. Амирдовлат Амасиаци резко противился механистическому врачеванию и применял индивидуальный подход к больному, учитывая при лечении его уравновешенную или неуравновешенную натуру.

Как можно заметить, христианство наложило свою печать даже на тех медиков, которые строили свои медицинские теории на основе арабизма. Сами же гностически-христианские течения, просуществовав до XII века, ушли в «подполье», обильно осеменяв Средневековые ересью.

10.

За пять веков до Амасиаци, в X в., в Армении родился насквозь пропитанный христианским духом еще один «еретик» – Григор Нарекаци, которого столетия спустя после отлучения от церкви, дважды причисляли к лику святых («он ведь всего лишь поэт», – по-видимому подумали церковники, не додумав простого факта: если он, даже как поэт, вступает в диалог с Христом, зачем ему «посредники»?) Армяне почитают его как врача, а психологам еще предстоит декодифицировать психологические, терапевтические и оккультные смыслы его пера. К последним можно отнести, например, воспринимаемые как просто поэтические образы смысловые корреляты оккультной «психосоматики»: страдание – уязвление печени, тревога – кишок, душевная боль – вен, огонь страсти – почек, грех – иссушение костей, добродетельный поступок – исцеление и т.д.

Человек не обязан быть жертвой церковных формальностей, он спасается личной верой, раскаянием и правом на диалог с Христом, – считал он. Индивидуально соотноситься с Богом приравнивалось к опасной причуде. Но Нарекаци твердо убежден: отношение к Христу может быть только личным – познав его волю и сообразуя свою волю с его волей, человек избавляется от душевных и телесных болезней и освобождается от пороков (в армянском языке оба слова передаются одним словом – «շխիւն»).

С порока начинается отравление души и тела, и сам он, на своем примере, переживая за каждого, за каждого вымалывает спасение. Вот одно из его многочисленных обращений к Христу:

Воистину в искусстве врачеваний,
Всеопытный умелец ты.
Небесный Царь и Бог существований,
Как скрытых, так и видимых. Итог,
Первопричина беспорочной жизни.

Как обещал пророк, не медли,
Союзом новым излучись в меня,
Благою связью просветившись,
Дыханием и телом обновившись,
Считай, непобедимым буду я.
Для исцеления ран моих душевных,
Тебе не надо многодневных,
День ото дня затяжных применений
Бальзамов, инструментов, фимиамов,
Ни вскрытий, ни надрезов, прижиганий,
Ничто не нужно из лечения земного,
Много подвержено оно ошибкам знаний,
Осечкам, неудачам и провалам.
Для Тебя, создателя души и тела,
Все очевидно, ясно, постижимо –
Замыслил, это и свершится,
Что обещал, осуществится,
Что пожелал, то достижимо.
Завет живительный – твое наследие,
Сказанье – дар, решение – спасение,
Ты не стеснен в тисках закона,
Ты не смущен ничьим каноном,
Не прегражден ты расслаблением,
Не усмирен ты подчинением,
Не замкнут в малом, не измерен,
Не промахнешься озлобленьем,
И даже в ярости – умерен.
Когда ты строг – Тебе не ошибиться,
Незнание не собьет Тебя с пути,
В Твоей обиде нет встревоженной волны,
И милосердие Тебя не переменит,
Чтобы на малость, но спуститься
С величия. Помощи твоей наличие

Не покидает ни теперь, ни испокон.
Начало Ты и завершение,
Твое свершение – все кругом,
Все от Тебя, и Ты во всем
Един. Тебе и слава, и поклон. Аминь³⁶. *(Перевод автора)*

Нарекаци обнаруживает внутри себя бездну пороков, подвергая себя беспощадному самоанализу и обнаруживая «чудовища» в глубинах собственной души³⁷.

За тысячелетие до Юнга он «спустился в ад» и вошел в конфронтацию со своей «Тенью». «Пойманный на удочку иллюзий» о своей непорочности и, одновременно, находясь «в плену у порочных склонностей», он стоит в «приемной безумия», где с двух сторон поджидают ведущие его на гибель полярные силы. Стоит только преодолеть одну из них, как он погрязает в противоположной: «угрожает мне пара опасностей», «хромаю я на обеих дорогах»³⁸. А что есть психическое и личностное

³⁶ *Գրիգոր Նարեկացի, Մատյանն ողբերգութեան, Բան ԽԳ, «Նարեկ», «Նարիի», Երևան, էջ 285-287:*

³⁷ Нам приходилось сталкиваться с точкой зрения психиатров о наличии у Нарекаци эндогенной депрессии с бредом вины и самоуничужения – «нет более виновного и более стыдящегося, чем я». Их можно понять: естественнонаучный менталитет врача не терпит «ненаучного» вникания в сферу подсознательного, где роль играет не статистика, а ... «намек». «Только намеки на милость», – просит Нарекаци. Можно пойти еще дальше и обнаружить в его психике элементы бреда Котара (ипохондрический бред отрицания себя). Любопытно, что в состав разнообразной клинической картины синдрома Котара входит отсутствие ощущения себя живым – пациенты утверждают, что они мертвы. Именно это находим мы у Нарекаци. Поверхностный взгляд страдающего недомыслием исследователя зафиксирует это и на этом остановится. Но контекст говорит нам совершенно о другом: «Я не считаю себя живым по причине неизбежности смерти, но и не думаю, что потерял полностью, поскольку несомненно есть твое обожление». (Գրիգոր Նարեկացի, там же, էջ 448)

³⁸ *Գրիգոր Նարեկացի, Մատյանն ողբերգութեան, Օտարաբար. – <https://m.mamul.am>*

здоровье, как не осознание этой пары и удержание равновесия между любыми мыслимыми крайностями? Но человек не может это сделать один; спасение от этой двойной ловушки в Христе («излечи все умеющий, очисти, тайноведа»), доброту которого считает «индивидуальной» и «добровольной», пытаюсь быть индивидуальным самому, не перекладывая ответственности даже на Него: «Я сам себя нахожу достойным двойного наказания». Моля об освобождении «от плена многоразличных отказов» от божественной воли, об исцелении души и тела, которые он не разделял – «мутный взгляд», «невидящий глаз мысли», «дремота сердца», «печень, уязвленная страданием», «почки, раздираемые страстями» (чем это не психосоматика?), он стремится к пробуждению, самосознанию и свободе. Два столпа духа – самосознание и свобода, путь к которым пролегает через индивидуальную работу над двойным очищением психических содержаний, остались таковыми по сей день. Из глубины веков Нарекаци, фактически, заявил об обоих.

11.

Ключевым событием жизни Европы в последующие века (с XII в. по XV в.) явился расцвет университетов, где в философских спорах на различные темы вплоть до диспутов «О чем угодно» крепчал интеллект европейцев.³⁹ Право на открытие университетов выдавалось римским папой, но университет должен быть признан также королевской властью. Каждая из этих властей, невзирая на попытки сшибить их лбами, вела ожесточенную борьбу за контроль над мышлением; в чем обе власти были единоклупны, так это в запрете на самостоятельно добытую мысль.

Средневековые университеты имели огромный авторитет во многом благодаря существованию юридических (они обслуживали «мероприятия» этой двойной власти (например, судебные процессы инквизиции) и медицинских факультетов (по причине пригодности на практике, например, «чумные» врачи в период чумы). Считалось, что философский факультет «обслуживает» душу, а медицинский – тело, т.е. напрочь было отвергнуто их сближение и единство. Метод преподавания был схоластический (лат. *Scholastica* – школьный) – студент должен был безукоризненно усвоить школу своей науки. Будущие медики наизусть заучивали труды Галена, Ибн Сины и Гиппократы, но последнего не всего, а только то, что соответствовало европейскому интеллектуализму, остальное подвергалось «монтажу». Получив степени, врачи работали с состоятельными горожанами по законам и постановлениям религиозной и светской власти, а поскольку психические проблемы относились не к болезням, а к одержимости демоническими существами, для них устаивали прибежища при монастырях. С ними должны были иметь дело монахи,

³⁹ Диспуты схоластов напоминают сегодняшние нескончаемые конференции на тему: «Актуальные проблемы психологии», где говорится обо всем и ни о чем. При этом в головах участников никогда не возникает вопроса: «если есть актуальные, должны быть и не актуальные проблемы, где они?»

которые не имели медицинских знаний, но умели совершать процедуру экзорцизма, лечить молитвами, амулетами, обрядами, крещением, покаянием, именами святых. В позднем Средневековье при этих состояниях стали применять кровопускания, обливания холодной водой, рвотные, слабительные и средства для оттока черной желчи. Особо буйных держали в цепях и даже совершали трепанацию черепа, чтобы изгнать злого духа. Предтечей психиатрии, следовательно, была руководимая католичеством демонология, а как учебные пособия были изданы специальные бестиарии, по которым в упор изучались дьявольские существа и злые духи.⁴⁰ Если студентам медицинских факультетов позволялась некоторая свобода мысли, то эта область была в полной зависимости от католичества. Изрядная часть «ведьм» была сожжена после манифестации депрессивного бреда самообвинения, приступов истерии, бреда преследования, каталепсии или эпилепсии, о чем догадывались просвещенные умы.

Одним из них был уникальный Агриппа Неттесгеймский (1486 – 1535) – врач, юрист, теолог, алхимик, называвший себя магом. Как юрист он взял на себя вести процесс защиты бедной женщины, обвиняемой в 1519 г. в колдовстве, и выиграл его

⁴⁰ История подробно описывает преследуемых инквизицией безумных людей, но следует сказать и о сумасшествии самих карателей. С. Г. Лозинский описывает, как богословский писатель XVI века Варфоломей де Спина, говоря о том, что мужья летающих ведьм не только не подтверждают этих полетов, но утверждают, что их жены мирно спят рядом в ночи своих мнимых полетов, замечает, что «тут-то и проявляется дьявольщина, обманывающая мужа, рядом с которым лежит «подобие тела», принявшего образ жены обманутого мужа». Правда, старания инквизиторов увидеть воочию летающих ведьм ни к чему не приводили, хотя «известно» было, что полеты обычно происходили в ночь на пятницу и немало ревнителей чистоты религии караулили в эти ночи с целью поймать женщину на месте преступления, — но что же это доказывает? — спрашивает де Спина и тут же отвечает: «Разумеется – лишь необыкновенную силу дьявола». (С.Г. Лозинский, Роковая книга Средневековья // Молот ведьм / Я. Шпренгер и Г. Инститорис; Пер. с лат. Н. Цветкова, изд-во «Атеист», 1932). Перед нами пример не просто догматичного и ригидного мышления, а попросту шизофренического бреда. Психологи шутят: «Истинный параноик знает, что если что-то хорошо, то это хорошо замаскировано».

(остается загадкой человечества, как после неоднократных преследований его самого не сожгли на инквизиторском костре). Агриппа не отрицал школьной медицины, но считал ее первоначальной фазой познания природы, которая характеризовалась вещественностью и внешними проявлениями. Необходимо далее этот доступный органам чувств элементарный мир связать с мировым порядком и определить место данного явления в мировом целом. Только потом можно углубиться в душу и созерцать духовность, но не в обычном «смазанном» смысле, а в образе конкретных духов с определением их чина и действий в душе человека. Так, архангел Михаил есть «опекающий» Дух человечества, «о котором мы читаем в Данииле: «Смотри! Михаил – один из Князей, идет мне на помощь!» Каждый дух исполняет свою работу: «Огненные духи отвечают за разум небесных душ, они помогают в изучении наиболее тонких материй. Воздушные – отвечают за рассудок и покровительствуют рациональным способностям, особым образом разделяя их на чувственные и вегетативные. Они помогают в активной жизнедеятельности, как огненные помогают в размышлениях. Водные духи отвечают за воображение и служат чувственной жизни. Земные – за природу, покровительствуют растительной природе»⁴¹. Будучи широко образованным человеком и блестящим знатоком Святого писания, он опирается на труды философов, теологов, естествоиспытателей, а также посвященных в тайную науку, называя сокровенным знанием то, что недоступно человеческому познанию без откровения. Только слепой может не заметить, что там, где заканчивают современные врачи и психологии, с этого он начинает, доводя познание до чувства сопричастности Творцу: «Абсолютная мудрость заключается в Боге, за ней следует мудрость духов-

⁴¹ *Агриппа Неттесгеймский*, Три книги Оккультной Философии. Книга третья. – https://royallib.com/book/agrippa_genrih/okkultnaya_filosofiya_kniga_3.html

ных существ и, наконец, существ, облеченных плотью. Четвертая степень мудрости – в природе и предметах, к ней относящихся»⁴².

Известный историк психиатрии Ю. Каннабих отмечает, что Агриппа Неттесгеймский должен быть отмечен в истории психиатрии, – он был учителем Иоганна Вейера, – врача, энергично боровшегося против инквизиции. Проявляя участие в жизни душевнобольных, И. Вейер призывает «помнить, что, укрепляя тело, можно вылечить дух», а также публикует книгу, изобличающую полное невежество или крайнюю недобросовестность обвинителей. Он неоднократно был на краю опасности; это был одинокий борец, отдавший всю свою жизнь одной определенной идее: борьбе с суевериями и защите душевнобольных от суда инквизиции. Несмотря на сильное противодействие, идеи И. Вейера дали плоды – подобные взгляды стали распространяться по всей Европе, но лютеранство так сильно всколыхнуло интерес к богословским проблемам и так усердно боролось с влияниями и происками дьявола, что последний приобрел еще больший авторитет. «По моему мнению, – говорил Лютер, – все умалишенные повреждены в рассудке чертом. Если же врачи приписывают такого рода болезни причинам естественным, то происходит это потому, что они не понимают, до какой степени могуч и силен черт, ...их необходимо без промедления казнить смертью, я сам стал бы охотно их жечь»⁴³.

Дело не только в жутких реалиях времени, а в притупленности сознания под диктовку церкви и общезначимом мышлении «всем скопом», как в зарубежных поездках советской эпохи с ее наказом «не выделяться». Но ни ужасы, ни притупленность не могли запретить возникновение индивидуального сознания. Как это бывает в подобных случаях, параллельно росла независимость передового студенчества от ужасающего гнета, и постепен-

⁴² *Генрих Корнелий*, Агриппа, Магия Арбателя (или Духовная Мудрость Древних), Нижний Новгород, Издатель А. Г. Москвичев, 2013, 656 с. – стр. 18.

⁴³ *Каннабих Ю.*, История психиатрии. – www.phantastike.com

но вырабатывалось самостоятельное мышление. Пионерами его были Джон Уиклиф в Англии и Ян Гус в Чехии, выступившие против основной интенции католичества: «мы будем мыслить за вас и вместо вас». «За» и «вместо» автоматически означало «вперекор» и «против» вас и перекрывание кислорода разуму, причастности человека к идеям, самостоятельному исканию истины, в ходе которого в душевных содержаниях могла быть обнаружена (страшно сказать!) совесть. «Если разногласия происходят между совестью и человеческим авторитетом, предпочтение следует отдать совести», – говорил Джон Уиклиф. «Церковь не является Богом», «нужно думать самим», – призывал Ян Гус, за что в XV веке был удостоен инквизиторского костра и до сих пор не реабилитирован католической церковью, очевидно, из-за опасений, длящихся шесть веков. Но стимул для выработки самостоятельного мышления был дан, а интенция последующих трех столетий выразилась в формуле: «sapere aude» («дерзай знать»).

12.

Эту интенцию вернее всего реализовал еще один современник Агриппы – врач, алхимик и философ Теофраст Парацельс (1493-1541). Естественнонаучные корни медицины он искал не только в самих естественных науках, как поступают «настоящие врачи», а в астрологии, алхимии, человеческой карме, проблемах развития души с заложенной в ней божественной эссенцией. «Я везде пытался докопаться до основ медицины» – писал он. Поиск основ, беспокойный дух и тяга к мудрости носили его по Европе, России, Константинополю и Гималаям; он собирал сведения о искусстве врачевания души и тела, учась не только у великих, но также у знахарок, «бродяг, палачей и цирюльников». После десяти лет скитаний он возвращается в Базель и показывает чудеса преподавания и исцеления, озлобляя и ужасая коллег, остановившихся в своем образовании на заучивании естественнонаучных трудов Галена и Ибн Сины. Собственно, познанное Парацельсом было также естествознанием, но естествознанием всесторонним и сакраментальным, ибо не мертвую природу изучал он, а природу, возрожденную в духе, где мог схватить ее невидимые принципы и осмыслить сверхчувственные причины. «Молчи, если не можешь найти причину» – наказывал он, а «не молчащим» авторитетам медицины, ученость которых «вытесняет всякий здравый смысл», бросал вызов: «Мои башмаки больше смыслят в медицине, чем авторитетные врачи». В знак презрения к господствовавшим воззрениям профессор Парацельс публично сжег книги Гиппократ, Галена и Ибн Сины во дворе университета. Эта неслыханная дерзость проистекала не только от дерзновения «знать», и еще от тяжело доставшейся способности «видеть» силы, действующие в невидимой природе. Эти силы – природные духи, или «стихийные сущности» («elemental essences»), живущие в земле, воде, воздухе и огне эфирные силы, распределяющие и подающие жизненную энергию, животные

силы души, в которых гнездятся страсти, вожеления и аффекты, и которые Парацельс назвал «астральными». Теми душами, в которых животная природа является доминирующей, овладевают дьявольские духи, как правило, астральные тела мертвых людей, которые стремятся за счет этого продлить собственное существование в физической плоскости. «Здоровый и чистый человек не может быть одержим ими, ... они могут действовать лишь на людей, имеющих в своем уме для них помещение». «Здоровый ум является замком, который невозможно взять, если на то нет желания хозяина; но, если им позволить ворваться, они возбуждают страсти мужчин и женщин, возбуждают в них желания, сподвигают к дурным мыслям, разрушительно действуют на мозг; они обостряют животный разум и удушают моральное чувство». Те же, кто просвещен духом истины и нравственности, не могут быть ими одержимы⁴⁴.

Как видимые (телесные), так и невидимые (психические) болезни, по Парацельсу, имеют пять причин возникновения:

1. Болезни, вызванные астральными влияниями, действующими на астральное тело человека и затем действующими на его тело.

2. Болезни, вызванные шлаками, ядовитыми веществами и внутренними закупорками.

3. Болезни, вызванные аномальным состоянием физиологических функций вследствие злоупотребления органами или вредных воздействий.

4. Болезни, вызванные психологическими причинами, такими, как желания, страсти и пороки, а также болезненным воображением.

⁴⁴ Цит. по: *Грицанов А.А.*, Парацельс, Новейший философский словарь, под ред. А.А. Грицанова. – litlife.club

5. Болезни, в основе которых лежат духовные причины (склонности), созданные в предыдущих жизнях, по божественному Закону кармы⁴⁵.

Пожалуй, Парацельс единственный, кто имел дифференцированную точку зрения в отношении психических болезней, принимая как факт демонологии, так и болезни как медицинский факт, поскольку в их генезе имеет место как то, так и другое. «Практически гораздо важнее лечить душевно-больных, нежели изгонять бесов, ибо помешанные – больные люди, и, кроме того, наши братья, а потому следует относиться к ним сочувственно и мягко. Ведь может случиться, что нас самих или наших близких постигнет такая же злая судьба». Но Парацельсу принадлежат также следующие слова: «Дьявол вселяется только в здорового и разумного человека, а в душевно-больном ему делать нечего»⁴⁶. Здесь нет противоречия. Независимо от того, что до сих пор неизвестна маркировка и локализации органа, ответственного за, например, шизофрению, эндогенная природа психозов – факт, не подлежащий сомнению, иначе как объяснить эффективность нейролептиков? Но сверхчувственная природа специфических патологий, которая может называться одержимостью демоном, на чем настаивал К. Юнг, также имеет статус эмпирического факта. Да и стал бы столь умный господин, как дьявол посягать на искореженную душу и разрушенное тело? Другое дело, что, согласно Парацельсу, в чистого человека не могут вселиться демоны, они действуют лишь на тех людей, которые доставляют в своем уме для них «кров», подготовив его своими дурными мыслями. Тогда демоны придают этим дурным мыслям характер одержимости, обостряют животный разум, ухудшают моральное

⁴⁵ Франц Гартман, Жизнь Парацельса и сущность его учения. – Жизнь Парацельса и сущность его учения (k2x2.info)

⁴⁶ Психиатрия, История медицины, Проект кафедры истории медицины Московского государственного медико-стоматологического университета им. А.И. Евдокимова. – <https://www.historymed.ru/chair/>

чувство и возбуждают безумные желания. Отсюда вытекает, что лечение их должно быть построено на единстве души и тела. Но не только.

Медицина, согласно Парацельсу, не ограничивается тем, что называется «медициной». Это – физика, химия, философия, оккультизм, астрология, натурология, теология, демонология... Познав космические конstellляции, можно понять не только причины болезней и здоровья, но и то, как действует та или иная субстанция на земле, а также можно овладеть наукой соответствий. Познав душу внутри и душу вовне как Мировую душу, можно проследить тождественность этих связей. Каждый человек, учит Парацельс, наделён от природы тремя таинственными силами – Волей, как способностью стремления к Богу, Верой, как способностью ощущать невидимое божественное во всем, и Воображением, как способностью идти к высшему совершенству.

Такой же процесс на более высоком уровне сознания требуется в алхимии: внутреннее преображение, переход души от состояния, в котором преобладает материальное начало, к духовному просветлению. Соль, как телесное и земное, и сера, как духовное и небесное, должно уравниваться ртутью, как душевным. Полное созвучие всех энергий усовершенствованной души приводит к Абсолюту, космической мудрости и духовному состоянию, называемому «философским камнем». В больном организме наблюдается полная дисгармония, и задача врача заключается в установлении равновесия, поэтому лечение должно состоять в воздействии с трех сторон – телесной, душевной и духовной, и всеми возможными путями: вызыванием духов, «вибрацией», т.е. цветовой терапией, музыкой, пением и заклинаниями, с помощью талисманов, амулетов и чар, травами, лекарствами, молитвой, диетой, правильным образом жизни, кровопусканием и различными методиками очищения организма. «Человек есть то, что он думает», – говорил Парацельс, поэтому необходимо осведомиться о его мыслях, и в целом, уметь

эмоционально контактировать с больным, учитывать его индивидуально-психологические и конституционные особенности, а самому терапевту быть нравственным и иметь направленность воли к благу больного, что легло в основу особой формы врачебной этики под известным названием «модель Парацельса», за что его считают родоначальником психологического лечения. Но в этой модели самого Парацельса ничтожно «мало». Он не останавливался на индивидуально-психологических особенностях и, как мы называем теперь, на деонтологических принципах. Из так называемой модели изъят сам ее «нерв», заключающийся в достижении «целebности» самого терапевта, некая его «божественность». Это значит, что лечащий обязан быть на порядок выше лечащегося, что значит – на порядок ближе к Духу. Также не понять принципа его врачевания, если не вникнуть в корень, переданный его словами: «Научиться видеть Истину, а не довольствоваться её описанием». Речь идет о так называемой сигнатуре (от лат. «signum» – «знак», «отметка»). На всем материальном мире, включая звезды и планеты, Творец отставил знак.⁴⁷ Эти природные отпечатки – вселенский язык, который необходимо разгадать в движениях небесных тел, формах минералов и растений, в их окрасках, вкусах, запахах,

⁴⁷ Прекрасно выразил это Жерар де Нерваль в своем стихотворении «Золотые стихи», эпиграфом к которому он взял слова Пифагора:

Что же! Все в мире чувствует».

... Узрев любую тварь, воздай ее уму:

Любой цветок душой природа увенчала,

Мистерия любви — в руде, в куске металла.

«Все в мире чувствует!» Подвластен ты всему.

И стен слепых страшись, они пронзают взглядом,

Сама материя в себе глагол таит...

Ее не надо чтить кощунственным обрядом!

Но дух божественный подчас в предметах скрыт;

Заслоны плотных век перед незримым глазом,

А в глыбе каменной упрятан чистый разум.

Жерар де Нерваль, Золотые стихи, перевод А. Ревича. – <https://favorite-verses.livejournal.com/259577.html>

характере и облике животных. Так, сок чистотела имеет насыщенный желтый цвет и помогает при желтухе, луковица безвременника имеет форму пораженного подагрой большого пальца, поэтому является средством лечения подагры, золото, как материальный оттиск Солнца, излечивает «золотую середину» организма – сердечные недуги и т.д.

Не описательность должна быть здесь методом, а прямое общением с духами природы. Медик обязан читать «книгу» природы «вне» и «в» человеке – в его габитусе, физиогномике, форме тела, строении человеческих органов, линиях на руке и знаках на лбу, потому что облик есть манифестация психологических свойств. Сначала надо определить подобие между «вне» и «в», дать им наименования, затем только лечит, в соответствии с герметическим принципом «подобное лечится подобным». Согласно другому герметическому принципу – «что вверху, то и внизу», различные органы управляются различными планетами, например, «почки и Венера проявляют взаимную симпатию», поэтому металл Венеры – медь – гармонизирует работу почек. «Следует знать сначала, – пишет Парацельс, – что предустановленное искусство (*die Kunst signata*) учит давать всем вещам верные имена. Наш праотец Адам знал и владел им в полной мере. Поэтому сразу по завершении Творения он дал всем вещам, каждой в отдельности, их особые имена. <...> И то, как Адам нарекал их, было весьма угодно Богу, ибо он делал это, исходя из истинного основания: не из своих измышлений, а из предопределенного (*praedestinierten*), или предустановленного искусства, почему он и стал первым семиотворцем (*signator*)»⁴⁸.

Разгадка языка сигнатуры равносильна пониманию проявленной Мысли Творца, и не стоит думать, что каждому

⁴⁸ *Paracelsus. Sämtliche Werke. I Abt. Bd. 2. München; Berlin, 1930, Цит. по: Карабыков А.В., Путем Адама: проблема воссоздания изначального языка в парацельсианской философии, Философский журнал, 2020, т. 13, № 2. – стр. 68-96, стр. 73.*

наблюдателю откроются тайны знаков. Как писал Джон Эллистоун, наследник Парацельса по теософской линии, «сигнатуры познаются только при содействии Духа Святого»⁴⁹. Они открываются совершенным душам, которые, словами Парацельса, «вошли в храм знания не через парадную дверь, а через дверь природы». Эти «узкие врата» мытарств и скитаний оберегли его от путей врачей, которые «превратили врачебное искусство в бессмысленное жонглирование латинскими словами», в которых не участвуют они сами. Крепкое «Я-сознание» Парацельса позволило ему сохранить верность Творцу, природе и самому себе. Еще 16-летним юношей, отправляясь в путешествие за своей «божественной возлюбленной» – мудростью, он провозглашает придуманный им девиз: «Да не принадлежит никому тот, кто может принадлежать самому себе». Еще одна, последняя цитата из Парацельса: «Книга, которую я изучал, была книгой природы, написанной рукой Господа». Дальнейшая судьба медицины и психологии продолжилась двояко: кто-то остановился на «книге», кто-то на «Господе», кто-то на «книге» и «Господе» по отдельности, но ни одни, ни другие, ни третьи, «себе не принадлежали».

⁴⁹ *Карабыков А.В.*, там же, стр. 72.

13.

Переход от геоцентрического учения к гелиоцентрическому подходу астронома и математика Николая Коперника, имеющего также авторитет опытного врача, возымел огромное влияние на все последующее развитие естественных наук. Здесь действительно уместно говорить о революции: человек математически высчитал Космос, вследствие чего перестал ощущать себя космическим существом, что дало основание для знаменитой иронии З. Фрейда. В работе «Введение в психоанализ» он пишет о трех ударах по человеческому самолюбию, которые нанесла наука: первый удар связан с открытием Коперника, доказавшего, что Земля не является центром Вселенной, второй – с эволюционным учением Ч. Дарвина, избавившим от иллюзии относительно божественного происхождения человека и доказавшим его родство с животными. Третьим ударом стал психоанализ, продемонстрировавший огромную роль бессознательной части психики, что опрокинуло представления относительно рациональности человека и поставило под сомнение его способность к разумному управлению самим собой. Знал бы создатель психоанализа о последующих ударах со стороны науки!

Вскрытие трупов на медицинском факультете, где учился Коперник, вошло в правило. Для Николая это зрелище было тяжёлым, его стало мутить, и он едва справился с собой. После окончания университета он занимался врачебной практикой в перерывах между занятиями астрономией. Уже в 60 лет и до конца жизни, удалившись от государственных дел, он без остатка отдался врачеванию. Мятежный дух его, проявившийся против догм своего времени в астрономии, экономике, военном деле спасовал перед врачебным искусством; здесь, по свидетельству очевидцев, он «покорно следует указаниям Ибн Сины». На медицину он повлиял окольно, но не менее больно: впервые после Коперника чувственные наблюдения и математические вычисления

явились единственным условием понимания природы и человека, и наука, в том числе медицина, стала развиваться в этом направлении все с большей скоростью. Последующий за этим эмпиризм санкционировал метод естествознания, основанный на опыте, но таком, из которого вытравлен вдохновенный интерес к высшей истине и причислен к разряду «случайный опыт».

Родоначальник эмпиризма и позитивизма, философ Ф. Бекон, по сути, отказался от познания души, разорвав связи между медициной и зреющей в лоне философии психологией. Научный опыт и механическая причинность, а не терпеливое выманивание тайн природы, человеческий ум, а не мудрость, сила и мощь сколько угодно тривиального эксперимента, а не чудо откровения, шифр Бекона, а не сигнатура Творца, – не оставили камня на камне от любовного отношения к природе, и взамен этого установили над нею власть. «Праздным любопытством» называет он достижение знания из любви к познанию или наблюдение, заранее не предусмотренное и не запрограммированное рассудком. Душа с ее «претенциозным» стремлением познания добра и зла фактически была вытолкнута из науки. «На это есть Библия», – говорил Бекон, и душе не место в ряду чувственного опыта. С этого момента и до наших дней потерявшая свое первородство душа «скитается» по пространствам чувственного опыта, стараясь кое-как примоститься к телу и стесняясь своего «ненаучного» происхождения.

Р. Декарта не устраивал эмпиризм со своим научным экспериментом, чувственным опытом и опорой на внешний мир, но не устраивал также и мистицизм, обволакивающий душу туманным сверхчувственным опытом. Он позволил себе усомниться в обоих путях познания и искать что-то, в чём развеется подозрение на недостоверность: «Истина – величина не постоянная, и то, что я считаю истиной, может через какое-то время оказаться ложью». Скептически относясь ко всему, в том числе к существованию собственной души и тела, он приходит к выводу, что

единственным точно достоверным фактом является только факт того, что о всех этих вещах «я думаю». Предмет или содержание мышления может быть неистинным или не существовать вовсе, но я не могу сомневаться в том, что «я мыслю, значит, существую», т.е. принцип получения истинного знания находится непосредственно в человеческом самосознании или «Я». В нем Декарт находит стремление к совершенству и от нее – прирожденную идею Бога. Но не только: отдельная мысль может быть изменяемой, сумасбродной, сновидческой, но мыслящее «Я» – нет; если субъект ставит целью разыскать истину, не может быть безумной даже его мысль, она может быть только рациональной. Итак, с одной стороны, крайний скепсис, с другой – крайнее доверие к мыслящему «Я».

Животное не имеет «Я», поэтому действует автоматически, рефлекторно, подобно машине. Человеческое тело есть также машина, и принцип ее работы – рефлекс. Душа, связанная с телом, также работает по схеме рефлекторной деятельности: «восприятие, запечатление идей, удержание идей в памяти, внутренние стремления... совершаются в этой машине как движения часов». Другим регулятором психической жизни являются страсти или аффекты, среди которых он выделяет любовь, ненависть, страх, гнев, радость и печаль. Душа и тело действуют раздельно и параллельно друг другу, что в дальнейшем получило название «психофизического параллелизма». Душа непространственна, а тело имеет протяженность, как же возможно взаимодействие столь разных величин? Декарт находит, что в организме имеется орган – *pineal gland*, шишковидная железа или эпифиз, которая служит посредником между телом и сознанием. Эта железа воспринимает движение «животных духов», и благодаря колебаниям, исходящим от души, воздействует на механические или рефлекторные действия тела. Тем не менее, процессы души и тела независимы друг от друга и не связаны причинно-следственными связями. В итоге, Декарту принадлежит введение в науку

понятия рефлекса, которое станет основой экспериментальной психологии, в частности, бихевиоризма, понятия аффектов и психофизического параллелизма. Но с именем Декарта связывают также метод интроспекции, как если бы до него интроспекции не было. Непосредственный характер познания собственной душевной жизни начался с того момента, как Адам и Ева осознали себя нагими. Другое дело, что Декарт-дуалист впервые различил сознание, содержание которой можно познать интроспекцией, и материю, которая познается рациональными, объективными методами и с обязательным участием математики. В отношении декартова учения история распорядилась также дуально: в 1671 г. король Людовик XIV запретил его преподавание в Парижском университете – не могло же столь достопочтенное тело короля-солнца быть машиной, а спустя годы физиолог И.П. Павлов поставил памятник-бюст Декарту возле своей лаборатории, ибо кем был бы Павлов без рефлекса?

Далее нарастало как снежный ком: оппозиция души и тела, объекта и субъекта, материализма и идеализма, сознания и мозга, чувственного и сверхчувственного, тонкого и грубого миров, естественной науки и телеологии, субъективного и объективного и т.д. начала свою воюющую одиссею, а ареной борьбы оказалась душа и наука о душе или, как ее иногда называют, философская психология. Джон Локк разделил внутренний и внешний миры и ввел представление о душе, как о чистой доске, на которой опыт внешних впечатлений наносит свои письмена; Готфрид Лейбниц различил истины разума и истины факта, предположил, что душа и тело подобны паре часов, которые всегда показывают одно и то же время, хотя и движутся независимо, а также выдвинул понятия апперцепции как осознанного восприятия, «малых перцепций», относимых им к бессознательной психической жизни и «монад», которые он рассматривал как множество «непротяженных, в себе творящих сущностей». Бог есть «верховная монада», а в основе минерала или растения лежит монада, спящая

глубоким сном. Между ними – множество сущностей и иерархий, имеющих прямое отношение к психологии, но психологи, не желая разбираться в сложных философских построениях, максимально упростили это понятие, взяв ее буквальное значение – «единица» (от греческого *«monas»*, родительный падеж *«monados»*).

Бенедикт Спиноза не принял дуализма материального и духовного и выступил за единство души и тела, которые, по его мнению, тесно взаимосвязаны и представляют собой два атрибута одной и той же субстанции (монизм): «Душа и тело составляют одну и ту же вещь, в одном случае представляемую под атрибутом мышления, в другом – под атрибутом протяжения». При этом, мышление он считал неотъемлемым свойством природы. Не случайно, что на философию Спинозы возлагал надежды Л.С. Выготский, видя в монизме будущее решение основной проблемы психологии – единства идеального и материального, брешь между которыми психология основательно увеличила.

Если Спиноза «спутал карты» картезианского дуализма, то Э. Кант в своем этическом учении разделил человека на «человека как явление», который подлежит познанию и помещается в рассудочные категории, и «человека как «вещь-в-себе», который опытно непознаваем, чем преградил путь к познанию многих реалий психической жизни. Очевидно, он смолоду испытывал неприязнь к реалиям внутренней жизни, с «ужасом и страхом» вспоминая гимназию, где требовали вести так называемый «учёт души» – эссе, в котором каждый ученик регулярно должен был описывать своё душевное состояние. Он говорил, что подобное «наблюдение за собой» приводит к помешательству. Не случайно, что после Канта и во многом благодаря ему, метод интроспекции раскромсали на маленькие кусочки, к чему мы вернемся ниже.

Тенденции XVIII века – всеобщая математизация природы, борьба естествознания и теологии, рационализма и мистицизма,

эмпиризма и интроспекции, ориентация на строгие стандарты «доказательной» научности, а также успехи в области биологии, химии, физики и всеобщее образование по лекалам естественных наук вконец запутали понимание взаимоотношений души и тела. К этому прибавилась неустойчивость терминологии, поскольку немецкое слово «Körper» обозначало любое материальное тело, в то время как «Leib» указывало на то, что тело сопряжено с душой, т.е. обозначает живое тело, но эти термины, в результате взаимного влияния физики, метафизики и медицины оказались «практически эквивалентным в силу установленного равенства между обоими терминами», обозначающими и тело, и понятие «машины»⁵⁰.

Недостаток осмысления проблемы давал повод для сарказма. Друг и биограф Гете вспоминает: «Один новейший французский философ, – говорил Гете, – не обинуясь, начал свой труд следующими словами: «Человек, как известно, состоит из двух частей, то есть из тела и души. Поэтому начнем с тела, а засим перейдем к душе». Фихте пошел несколько дальше и несколько умнее вышел из положения, сказав: «Давайте рассматривать человека как тело и человека как душу». Слишком хорошо он (Гете) чувствовал, что столь тесно спаянное целое не поддается расчленению. Кант, бесспорно, оказал нам великую услугу, проведя границу, дальше которой человеческий дух проникнуть не способен, и оставив в покое неразрешимые проблемы»⁵¹.

⁵⁰ Харитонова А.М., Автореферат диссертации: «Обособление человеческого тела из универсума материальных тел в немецкой философии второй половины XVIII в.», М., 2014. – http://intelros.ru/pdf/fg/2020_02/05.pdf

⁵¹ Эккерман И., Разговоры с Гете, Ереван, «Айастан», 1988, стр. 323.

14.

Неразрешимые проблемы, однако, не «желали» оставаться в покое. Одной из неразрешимых проблем для научного прогресса своего века и далее на все века был анатом, астроном, физиолог, минеролог, зоолог, инженер, финансист, политик, космолог, поэт, философ, теософ, духовидец Эммануил Сведенборг (1688-1772). Любовь к познанию («с юных лет я постоянно был охвачен мыслями о Боге, спасении и духовных страданиях людей») привела его на философский факультет, но не найдя отклика на запросы своей души, и встретив там «нелепости», он прикипел к математике, языкам и естествознанию, в рамках которой не было области, которая его не занимала и в которой он не сделал бы изобретения или научного открытия. Физиологи считают его отцом физиологии мозга, минерологи – отцом минералогии, военные – изобретателем подводной лодки (список можно продолжить), но первооткрывателем он был в другой области – он умел ... разговаривать с ангелами.

Надо представить себе ученого – авторитетного, известного, передового, богатого, светского и уверенного в себе интеллектуала, члена высшей палаты шведского парламента, который объявляет, что видит небеса, ад и ангелов. В современном смысле мы не можем приписать это ни галлюцинации, ни даже измененному состоянию сознания: «Чтобы это не было приписано обману чувств или воображению, мне дано было их видеть наяву, при полном сознании чувств и в состоянии ясного постижения»⁵². Полное сознание – это не рассудок и даже не разум, обыкновенно присущий ученому, а «разум как внутреннее зрение». «Их ученость, – говорит Сведенборг о современниках, – не идет дальше

⁵² *Сведенборг Э.*, О небесах, о мире духов и об аде, Киев, изд-во «Украина», 1993, стр. 42.

того, что в мире представляется их глазам».⁵³ Для видящего, по его выражению, «истину в самой истине» одних глаз крайне недостаточно. «У человека есть (чего нет у животного) духовный тайник (*intimum*), доступный наитию Божества», а «божественное наитие непрестанно сходит в мир и во все мирское в человеке, но только не в рассудочное начало его»⁵⁴.

Ему уже перевалило за 50, когда, сосредоточенно думая над решением вопроса о связи душевной и телесной сторон человека, его посещают живые видения или имагинации. Ответ оформился следующим образом: «Человек по внутренним началам своим (*quoad interiora*) – дух. ...Тело – орудие и ошибочно приписать действие орудию, а не тому, кто управляет им»⁵⁵. Мозг есть органическая настройка его духа, и хорошее или дурное состояние его частей соответствует тому, каким образом – здраво или безрассудно думает и желает человек. Разумение человеческое имеет свое местопребывание в передней части мозга, воля же – сзади, в мозжечке⁵⁶. Кроме духа внутри себя, «при каждом человеке есть добрые духи и злые. Что такое соединение духов с человеком действительно существует, мне это до того известно из непрерывного опыта, что более достоверного я ничего не знаю. Вследствие действия тех и других он находится в равновесии, и это равновесие дает ему свободу, т.е. он может отклоняться от зла и склоняться к благу, а ...если бы ему не было позволено было быть во зле, его жизнь была бы ничто».⁵⁷ Аналогично манихейцам, Сведенборг включает возможность зла в мировой замысел и в необходимое условие развития души, которое заключено в том, чтобы воля, движимая мыслями и идеалами, имела бы

⁵³ Сведенборг Э., О небесах, о мире духов и об аде, Киев, изд-во «Украина», 1993, стр. 177.

⁵⁴ там же, стр. 58,

⁵⁵ там же, стр. 224-225.

⁵⁶ Сведенборг Э., О сообщении души и тела. – <https://avidreaders.ru/book/o-soobschenii-dushi-i-tela.html>

⁵⁷ Сведенборг Э., О небесах, о мире духов и об аде, стр. 141.

возможность правильного выбора. Отождествляя истинную волю и любовь, в чем проявляется «свободный дух», он противопоставляет ему «подчиненный дух», т.е. дух, служащий эгоизму, за которым тянется зло и ложь. Последний не имеет истины в воле, а значит, не имеет любви и свободы. Человек же не может преобразовываться, не будучи свободным, значит путь развития для таких душ закрыт.

Более конкретно: кто эти духи? Сведенборг различает три области бытия: небеса, ад и промежуточный мир духов. «Небеса» – девять божественных иерархий, участвующих в судьбах людей, среди которых наиболее близко к нам находятся ангелы. Сюда же Сведенборг относит людей свободного духа. Ад предназначен для людей-эгоистов, а мир духов относится к умершим, находящимся на распутье между добром и злом. Духовное облекается природным, как человек одеждой. Безрассудно видеть в человеке только одежду, и кто живет в природном мире и не знает о духовном, пребывает во тьме, не понимая, что духовный мир действует на его волю «теплом» (любовью) и «светом» (мудростью). «Ложное, – пишет он, – делает человека безрассудным, и он присоединяется к злым пожеланиям и подтверждает их доводами, извлекаемыми из разумения»⁵⁸.

Сведенборг называл себя «рыбаком духовным» и пояснял: «Рыбак, в духовном смысле слова, означает человека, разумно ищущего и изучающего истины природные, а затем и духовные»⁵⁹. Говоря иначе, природное и рациональное должно служить толчком к последующему изучению духовных основ природного. Он был также «рыбой», не попавшейся в сети тройной всемогущей власти – науки, церкви и государства, поскольку одна за другой провалились попытки считать его сумасшедшим, причислить к еретикам и обвинить в преступлениях. Он не остался в

⁵⁸ Сведенборг Э., О сообщении души и тела, О сообщении души и тела. – <https://avidreaders.ru/book/o-soobschenii-dushi-i-tela.html>.

⁵⁹ Там же.

учебниках, не повлиял на «мейнстрим» науки, он просто ее ...посрамил. Досталось и церкви, которую он считал не жизнью, а доктриной. Христианская церковь, считал он, могущественна внешне и гнилая внутри, и вообще «умерла на кресте». Ни наука, ни церковь, ни государство, а истинная духовная жизнь обеспечивает данную Богом благодать, которая навеки принадлежит дарованному. Сам же он был из их числа, не говоря уже о том, что был добродушен, весел, практичен, доволен внутри себя и обстоятельствами, вкусно ел и одевался по моде.

Назвав сочинения Сведенборга «дикими бреднями», Кант заявил о принципиальной недоказуемости всего, что рассказано Сведенборгом, поскольку «понятие духовного существа нельзя рассматривать как выведенное из опыта»⁶⁰. Но Сведенборг мог не только общаться с духовными существами и духами умерших, стоять лицом к лицу с Господом, но мог увидеть пожар, произошедший на большом расстоянии, предсказать день и час собственной смерти, что доказано множеством свидетельств, и если это не опыт, то что есть опыт? И разве указанное не есть психологические феномены? Не случайно, что Кант, как заметил К. Штумпф, предпочитал занимать отрицательную позицию по отношению к психологии, а возникшая вслед за Э. Сведенборгом психиатрия выгнала из опыта сверхчувственный, «внеопытный» элемент и включила его в опыт безумия, тем самым определив чувственный путь своего развития, старательно пропуская мимо ушей другие.

⁶⁰ Кант И., Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики. – https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/kant/grez.php

15.

По иронии, французский врач Филипп Пинель (1745-1826) своей судьбой отразил дуализм естественной науки и теологии. Первоначальное образование получил в иезуитском колледже, потом продолжил его на факультете теологии и готовился к сану священнослужителя. Параллельно учился на физико-математическом факультете, окончил его и защитил диссертацию на тему «О достоверности, которую математика дает суждениям в науках». Затем долго работает преподавателем математики, но неожиданно поступает на медицинский факультет, а по окончании основывает и редактирует парижскую газету «О здоровье». Ф. Пинелю было уже почти 40 лет, когда он заинтересовался умалишенными, ужаснувшись чудовищными условиями их содержания. Зловещая слава лондонского Бедлама и находящегося под Парижем Бисетра – проклятых мест, где содержались преступники, одинокие престарелые, инвалиды, сифилитики, дети, подвергшиеся сексуальному насилию и безумцы. На пятиметровой глубине под землей, куда не пробивался луч света, в холодных карцерах на кровати из соломы лежали с десятков человек или были прикованы к стене. Буйные подвергались жестоким телесным наказаниям, пища была скверная, да и та многим не доставалась. Ф. Пинель был приглашен туда, чтобы возглавить отделение вместо начальствующего полицейского чина, что было равносильно саморазрушению. Но его исследовательский дух взял верх, и он принялся их исследовать, по его словам, «аналитическим способом, как в естественных науках», что подразумевало, конечно, патологоанатомическое исследование. Не обнаружив при вскрытии в мозге психически больных никаких патологических изменений, он выдвинул теорию «моральной» детерминированности психических расстройств, убежденный в том, что огорчения, неразделенная любовь, потеря близких, неудовлетворенность жизнью и прочие психологические травмы являются

причиной их состояния, отметив другие причины как второстепенные – пьянство, лихорадка, внезапная остановка кровотечения и пр. Параллельно клиническим наблюдениям, он издавал научные труды, в которых описывал болезни и предлагал лечить таких больных не насилем, но убеждением и успокоением. Фактически, его можно считать не только родоначальником психиатрии, но и психотерапии. За описание анатомии, психических болезней (мании, истерии, эпилепсии и др.) и разработку способов обращения с подобными больными его избирают членом Французской академии. Однако главным его делом оказалось то, что он, приложив огромные усилия, выхлопотал разрешение расковать больных, и это при том, что считался тогдашним революционным правительством политически неблагонадежным – власти подозревали его в сокрытии преступников под видом больных. В 1798 г. были сняты цепи с последнего больного. Появились специализированные психиатрические клиники или отделения при госпиталях, а душевнобольным предоставили больничный уход, и надзор стал более мягким.

Тем не менее, обхождение с больными было далеко от гуманного. Госпиталь со своим свирепым надзором почти ничем не отличался от простой тюрьмы. Как отмечал М. Фуко, снимая с больных «материальные оковы», Ф. Пинель и его последователи опутали их «цепями нравственными», установив оппозицию «власть врача против воли больного». Их наказывали за «проступки», коими считался, например, бред и галлюцинации, делали обильные кровопускания, обливали ледяной водой, мучили рвотными средствами, доводя даже «слабых умом до полного и окончательного раскаяния». Диагнозы больным звучали как: «визионер, воображающий, будто ему являются небесные ангелы», дебил, страдающий органическим или старческим слабоумием, «дурень, говорящий без умолку и именующий себя императором турецким и папой римским», «дурень, совершенно безнадежный»; «человек с придурью, представляющий мемуары

в парламент», «частное лицо, преследуемое некими людьми, которые хотят его убить» и пр.⁶¹. Но уже ученик Ф. Пинеля Жан-Этьен Эскироль классифицировал эти безумия и возглавил первую в мире кафедру психиатрии в Париже, ставшей с тех пор отдельной отраслью медицинской науки. По примеру Парижа повсеместно стали открываться психиатрические клиники и кафедры, где под названием лечения душевных проблем совершались процедуры с телом.

⁶¹ Фуко М. История безумия в Классическую эпоху, Библиотека «Гумер», стр. 127-131. – https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_bez/

16.

Психиатрия без психологии продержалась столетие, и дуализм, как тяжелый наследственный долг, лег на ее плечи. Сначала она сбросила его, как если бы его не было, но не было в ее истории мало-мальски значимой фигуры, которая не отнеслась бы к ее решению, как к желаемой, но недостижимой цели. Забегая вперед, отметим, что клиническая психология тоже ее не решила – она просто размежевала свою территорию от медицинской, чего не было в период становления психологии как науки.

Официальной датой зарождения психологии как отдельной науки считается 1879 г., и связана она с открытием Вильгельмом Вундтом (1832-1920) психологической лаборатории в Лейпциге, которая стала международным центром экспериментальной психологии, другими словами, психологию, как отдельную науку, породил метод. Что означает экспериментальным путем изучать ощущения, время реакции на различные раздражители, ассоциации, внимание или простейшие чувства человека? Это означает потребность в объективности, ибо на фоне технического прогресса, покорения природы и расцвета наук как-то неловко было попасть впросак из-за «субъективности» душевных явлений. Необходимо было присовокупить критерий «объективности» как ярлык, чтобы называться «наукой». А поскольку такие дисциплины, как физика, химия и биология продвигались математическими измерениями и классификациями, то почему бы не достичь объективности, опираясь на измеримость психических явлений и их последующую классификацию? Так, на основе измерений в лаборатории В. Вундта определили, что система чувств, куда входят ощущения, восприятия и эмоции, имеет три измерения: удовольствие-неудовольствие, напряжение-разрешение, возбуждение-успокоение, как будто никому не пришло бы в голову это определить без эксперимента. Это касалось простых психических явлений, что до высших психических функций –

воли или мышления, то здесь экспериментом невозможно обойтись, поэтому надо обратиться к культурно-историческому методу и изучать мифы, язык, обычаи и пр.

Но в рассуждениях В. Вундта не все однозначно, – исследователи часто отмечают в них эклектизм, непоследовательность и неясность. Так, эмоция по ассоциации вызывает соответствующее ощущение, а при всякой ассоциации, согласно ассоциативной теории, действует апперцепция, потому что в мозгу есть центр апперцепции. Ощущение же вызывает мимику, но, с другой стороны, непосредственно влияет на течение представлений, а представления, в свою очередь, непосредственно влияют на чувства и т.д. Все это вызывает аллюзию с парадоксальной логикой Чжуан-цзы: «То, что является этим, есть это. То, что не является этим, также есть это». Не лучше обстоит дело с анализом культуры и пониманием этических проблем. «Этика, по Вундту, – пишет Г. Геффдинг, – неопределенна, частью сливается с психологией народов, частью переходит в метафизическое и религиозное рассуждение. Причем, он заявляет, что воззрение на мир, к которому мы придем, если не последуем за ним, «пусто и безнадежно»⁶². Несколько неточны и эксперименты с сознанием, где имело место смешение объема внимания и объема сознания, что можно списать на новшество эксперимента как такового. «В рецензии на книгу В. Вундта «Введение в психологию» Н.В. Самсонов остроумно замечает: «В психологию самого Вундта эта книга вводит в несравнимо большей мере, чем в современную экспериментальную психологию»⁶³.

Существует немало других мнений о наследии В. Вундта. Историк психологии Гельмут Люк так отзывался о его научной

⁶² *Геффдинг Г.*, Современные философы, СПб., изд-во О.Н. Поповой, 1907, 211 с. – стр. 36.

⁶³ *Самсонов Н.В.*, рецензия на книгу В. Вундта «Введение в психологию», В: «Логос», Международный ежегодник по философии культуры, книга 2 и 3, М., 1912, стр. 302.

программе: «Она была хорошо обоснована, имела довольно завершённый характер ясной и стройной концепции, была осуществлена в успешной исследовательской программе и вполне революционна»⁶⁴. Понятно, что еще при жизни Вундта сформировались группы его учеников-последователей и беспощадных критиков.

Необходимо подчеркнуть: интенции В. Вундта были превосходны: создание непротиворечивой картины мира, где по своим местам выстраиваются экспериментально выверенные телесные и психологические явления. К этому он приложил геркулесовы усилия: лично финансировал здание и оборудование психологической лаборатории, организовал его работу, основал журнал «Психологические штудии», оставил впечатляющий объем печатного наследия. За короткое время «лаборатория Вундта стала своеобразной психологической «Меккой», куда попасть на стажировку мечтали учёные-психологи из разных стран мира. По её образцу создавались аналоги в других университетах, расположенных во всех уголках земного шара. Она стала мировым центром экспериментально-психологических исследований, обучения и практики, снискавшим необычайную популярность среди психологов из разных стран на десятки лет»⁶⁵. Непротиворечивую картину, однако, создать не удалось. Поначалу В. Вундт «открыто подчеркивал, что задача физиологической психологии состоит вовсе не в том, чтобы выводить или объяснять психические явления из физических и физиологических. Ее дело – использовать в качестве вспомогательных средств физиологические методы для строгого и точного анализа

⁶⁴ *Lyuk Hel'mut E.*, Цит. по: Э.В. Тихонова, Психологическая лаборатория Вильгельма Вундта в Лейпциге: история и современность, Институт психологии РАН, Социальная и экономическая психология, 2020, Том 5. № 3, (19).

⁶⁵ *Тихонова Э.В.*, Психологическая лаборатория Вильгельма Вундта в Лейпциге: история и современность, журнал «Социальная и экономическая психология», Институт психологии Российской академии наук, 2020. Том 5. № 3 (19), стр. 253.

процессов сознания»⁶⁶. Трудно поверить, но он даже не считал эксперимент основным методом психологии. Но как бы незаметно, эксперимент превратился в механическую дрессировку отдельных элементов сознания, появились специальные аппараты, предназначенные для проведения именно психологических исследований, стала главенствовать физиология, а экспериментаторы были далеки от конкретного применения результатов исследований. В дальнейшем они пригодились разве что в рекламном деле, к примеру, не более 7 слов в рекламном слогане. Но для чего дополнительно выверять телесные реакции эмоций кожгальваническими замерами, разве недостаточно было интроспекции? А потому, что хотя интроспекция необходима, по мнению В. Вундта, «без внешнего контроля» данные самонаблюдения ненадежны и возвращают к старым умозрительным воззрениям. Думается, по существу, не последняя причина в другом: люди перестали доверять друг другу, поэтому мир внутреннего опыта должен был получить подтверждение со стороны внешнего опыта, говоря проще: «я уже не имею оснований верить, что ты печалишься вместе со мной, может ты радуешься моему горю!» А что представляет собой внешний контроль? Опять же физиологию. Не случайно, что первоначальный итог начавшихся экспериментов (1874 г.) В. Вундт обобщил в публикации под названием «Принципы физиологической психологии». Но если уж назрела необходимость исследовать психику на манер естественных наук, почему бы не включить эти исследования в раздел физиологии? По крайней мере психологи по сей день не ломали бы голову, чтобы определить статус психологии, перманентно лавируя между гуманитарными, естественнонаучными и социальными науками.

⁶⁶ Якунин В.А., История психологии, изд-во В.А. Михайлова, СПб, 1998, 376 с. – стр. 149.

17.

Это величайшее недоразумение, заключающееся в том, чтобы решить проблемы души переложить на физиологию, дало свои отравленные плоды, первый из которых – знаменитая «периферическая «теория Джеймса-Ланге за авторством незнакомых друг с другом американского философа и психолога Вильяма Джеймса и датского патанатома и психолога (примечательное сочетание) Карла Ланге, которые на удивление одинаково сформулировали свои идеи. В 1884 г. в журнале «Mind» Вильям Джеймс опубликовал статью «Что такое эмоция», где утверждал, что если отсечь от эмоции ее внешнее проявление, то от нее вообще ничего не останется, потому что наблюдаемые признаки (сокращение определенной группы мышц, секреция желез, кровяное давление и другие физиологические и вегетативные реакции) не следствие эмоции, а ее причина. «Бестелесная эмоция – это нечто несуществующее», – утверждал В. Джеймс. В свою очередь, идея, мысль, представление, убеждение, интеллект без эмоции фактически также не существуют. «Итак, очевидно, – пишет он, – что наша неинтеллектуальная природа оказывает влияние на наши убеждения", и эта неинтеллектуальная природа обуславливает даже моральный выбор между истиной и ложью: «Необходимо помнить, что в обоих случаях чувство долга, питаемое нами по отношению к истине или лжи, является только выражением наших эмоций»⁶⁷.

«Пока удовлетворяются внутренним самонаблюдением, – пишет «идейный брат» В. Джеймса, – приходится отказываться от точного знания; следует, напротив, отыскивать объективные причины печали и радости, их наружные проявления, которые позволяют нам отрешиться от личных впечатлений. Наука всегда

⁶⁷ Джеймс В., Воля к вере, цит. по: А. Незванов, Воля к вере Уильяма Джеймса в виде Урока. – <https://proza.ru/2016/01/09/2058>

двигалась таким путем⁶⁸. «А что такое печаль? – спрашивает К. Ланге. Просто более или менее неясное представление о вазомоторных явлениях, совершающихся в организме. Устраните усталость и вялость мускулов, дайте бо́льший приток коже и мозгу, легкость – членам, что тогда останется от печали? Абсолютно ничего, кроме воспоминания о вызвавшей причине»⁶⁹. Немаловажно уточнить, что эти рассуждения складываются у К. Ланге на примере матери, оплакивающей своего сына. Этот цинизм продиктован убежденностью ученого: «В психической гипотезе нет ни ясности, ни необходимости», переживания неточны, им придается значение, «исходя из того несчастного реализма идей, от которого до сих пор не может освободиться наша наука»⁷⁰.

Итак, мы признаем единственно позитивно-наличные факты – позитивизм, и единственно внешний опыт – эмпиризм. Наши враги: «реализм идей» и внутренний опыт. «Я встречал даму, – вспоминает К. Ланге, – которая становилась весела и даже хохотала, когда ей сообщали о неприятном или печальном известии. К сожалению, я делал это наблюдение в то время, когда еще мало занимался этим вопросом»⁷¹. Довольно неуклюжее оправдание; можно подумать, что, когда он «много занимался» этим вопросом, этому факту нашлось бы объяснение в рамках рассуждений, выкинувших «несчастный реализм идей» и реализм вообще.

Следующий «отравленный плод» произрос из предыдущего: если нет никаких средств познать взаимосвязь между телесной и душевной жизнью, а мысль не способна рождать истину, то к чему, в сущности, душа? «Психология без души» начала свое

⁶⁸ Ланге К., Душевные движения, Психофизиологический этюд, С-Петербург, 1895, стр. 14.

⁶⁹ там же, стр. 100.

⁷⁰ Ланге К., Душевные движения, Психофизиологический этюд, С-Петербург, 1895, стр. 94.

⁷¹ там же, стр. 94.

триумфальное шествие; начавшаяся с В. Вундта психология, потеряла свой предмет и умерла, как только родилась. Воображение рисует трагическую картину: обставили детскую комнату в ожидании ребенка, а он оказался убиенным – метод его породил и метод же его убил. Цель была уничтожена, средства превратилось в цель, вслед за чем все средства стали хороши – от замученных животных до экспериментов Ф. Зимбардо и С. Милгрема. Человек остался один на один с физическим телом, которое стали дифференцировать и дробить (тогда на анализаторы, сейчас – на нейроны), идейно не соединяя и не интегрируя, строго избегая словосочетания «внутренний мир» и модничая, повторяя «без фосфора нет мозга». При таком положении вещей человеку оставалось разве что приобрести копыта и другие известные анатомические признаки. «Дегуманизация, – замечает П.Н. Шихирев, – логичное следствие позитивистической традиции»⁷².

Можно также сказать, что идея приложения эксперимента к душе возникла из переоценки вещества. Впервые о применении эксперимента в отношении душевных явлений («этот род знаний приобретается наблюдением и экспериментом»), заговорил философ-материалист и блестящий экспериментатор в области физики и химии Д. Пристли, которому принадлежит открытие в 1774 г. кислорода. Надышавшись выделенным кислородом, он восторженно заметил: «кислород дает мне замечательное ощущение свободы и лёгкости в груди». Знал бы он, какой тяжестью и несвободой обернулось удержание познания души в пределах тела. Корень этих плодов отсылает нас на тысячелетие назад в Константинополь: сначала упразднили дух, потом душу – заговор против духа нашел свое логическое продолжение.

Не все психологи на заре становления психологии как науки молились богам эмпиризма и позитивизма. Почетный член Московского психологического общества Ф. Паульсен считал:

⁷² Шихирев П.Н., Современная социальная психология США, М., 1979, стр. 84.

«Положение: мысли суть ничто иное, как движения в мозге, чувства не что иное, как телесные явления в сосудодвигательной системе, это положение вполне неопровержимо не потому, что оно истинно, а потому что оно абсолютно бессмысленно. Бессмысленное разделяет с истиной то преимущество, что оно не может быть опровергнуто. Против этого нельзя спорить; можно только сказать: под мыслью я разумею не движение мозговых молекул, и точно также словами гнев и страх я обозначаю именно сами гнев и страх, а не суживание и расширение кровеносных сосудов, пусть и последние явления происходят и будут происходить, когда происходят первые, однако они не суть мысли или чувства»⁷³. Это «не поддающееся опровержению «бессмысленное» имеет еще одно преимущество: его легко и комфортно изучать и, разумеется, это изучение продолжилось, разветвилось и с определенными изменениями продлилось до наших дней.

⁷³ Паульсен Ф., Введение в философию, издание 3, М., 1904, 446 с. – стр. 84.

18.

Глава психиатрической службы Германии П. Флексиг фактически объявляет об аннулировании психологии и ограничивает психиатрию изучением мозга: «Душа есть функция тела. Мозг как орган вполне и целиком покрывает душевные явления, а интроспективная психология поворачивается спиной к анатомии органа души. Медицинская же психология – отдел учения о функциях мозга»⁷⁴. В ответ на эту сентенцию Ф. Паульсен заметил: «С таким же успехом, как в мозгу, мышление можно поместить в желудок или на Луне». Удивительно, но в эту омертвевшую душу влягалось такое вдохновение, что даже тогдашний король Альберт спрашивает П. Флексига на одном из званых обедов: «Сколько километров составляют проводящие пути головного мозга?»⁷⁵. Вдохновение авантюрным приключением под названием «научная психология» достигло такой степени, что обнаруживший связь электричества с нервами экспериментатор животного электричества и основатель электрофизиологии Э. Дюбуа-Реймон отрезает саму возможность познания и понимания души и природы мыслительной деятельности. В известной лекции «О границах естествознания» он призывает естествоиспытателя к мужественному самоотречению от познания связи душевных и телесных явлений: «По отношению к загадке, что такое материя и сила, и как они в состоянии думать, он раз и навсегда должен обречь себя на тот гораздо труднее дающийся приговор: *Ignoramus ignorabimus*» («не знаем и не будем

⁷⁴ P.Flehsig., *Gehirn und Seele.*, Lpz, 1896, s. 7, Цит. по: Г. Шпет, Избранные психолого-педагогические труды, М., «Росспэн», 2006, 624 с. – стр. 150-151.

⁷⁵ Энгманн Б., Косенко О., Вклад П.Э. Флексига в российско-немецкое научное сотрудничество в области неврологии и психиатрии, Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2020; 120 (1), стр. 78-82.

знать»⁷⁶). Вопрос решился оскорбительно просто: отбросив весь остальной организм, душу впили в мозг и завязали на нем «бантик».

Тем временем отучившийся у В. Вундта, англо-американский психолог Э. Титченер основывает первую американскую психологическую лабораторию и публикует 4-томный труд по

⁷⁶ В свете сегодняшних событий интересны воспоминания И.М. Сеченова о его пребывании в Германии: «В первый раз я был встречен Дюбуа-Реймоном недружелюбно, а на лекции завел речь о человеческих расах и угостил нас, своих русских слушателей, замечанием, что длинноголовая раса обладает всеми возможными талантами, а короткоголовая, в самом лучшем случае, – лишь подражательностью. Если при этом имелись в виду россияне вообще, то суждение было для немца еще милостиво, потому что в эти годы нам не раз случалось чувствовать, что немцы смотрят на нас, как на варваров». По поводу лекций Дюбуа-Реймона он пишет: «Нужно признаться, что в душе у меня таилась вынесенная из Москвы наивная привычка думать, что всякий знаменитый профессор – непременно блестящий оратор, и ожидал услышать в этой аудитории исполненную широких обобщений увлекательную речь, а вместо этого услышал чисто деловую речь, с показыванием чертежей и спиртных препаратов». Почему бы не предположить, что именно отказ «знать» сделали Дюбуа-Реймона таким антипатичным человеком? Но вот какое впечатление произвел на него Г. Гельмгольц: «Что я могу сказать об этом из ряда вон человеке? По ничтожности образования приблизиться к нему я не мог, так что видел его, так сказать, лишь издали, никогда не оставаясь притом спокойным в его присутствии... От его фигуры с задумчивыми глазами веяло каким-то миром, словно не от мира сего. Как это ни странно, но говорю сущую правду: он производил на меня впечатление, подобное тому, какое я испытал, глядя впервые на Сикстинскую мадонну в Дрездене, тем более что его глаза по выражению были в самом деле похожи на глаза этой мадонны». (Сеченов И.М., Автобиографические записки, 1907, стр. 78-79, https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003744204/)

Удивительное наблюдение. Ставший психологом физик, математик, физиолог Г. Гельмгольц, которого называли первым ученым среди врачей и первым врачом среди ученых, на самом деле был не от мира сего, иначе как объяснить его теорию «иероглифов», согласно которой субъективные образы не имеют сходства с объективными свойствами воспринимаемых предметов, но представляют собой лишь их знаки. Стало быть, внешний мир, по Г. Гельмгольцу, не проникает в нас, а чувственный образ мира насквозь субъективен. Не случайно, усилия всматриваться во внешний мир привели его к грандиозным на то время открытиям в офтальмологии. Еще одно отличие от своего сокурсника Дюбуа-Реймона: он безмерно хотел знать, поэтому не упускал случая, чтобы, помимо экспериментов и специальной литературы, читать Гомера, Байрона и философов.

экспериментальной психологии. Подчинив интроспекцию эксперименту (надо было долго обучаться тому, как давать отчеты по воздействию стимула), он разложил психику на структурные составные – образы (элементы идей), ощущение (элементы восприятия) и привязанности (элементы эмоций), в свою очередь разделяя их в зависимости от качества, интенсивности, длительности и отчетливости. Так, внутри ощущений он умудрился насчитать 44 тысячи сенсорных качеств. Однако привязанностям и образам не хватало как ясности, так и протяженности, поэтому их можно было снова разделить на группы ощущений, и выходило, что все сложные рассуждения и мысли были разбиты на ощущения, после которых дробить уже было нечего и не из чего. Следует предположить, что и в психологии уже делать было нечего – подобно всем обнаруженным химическим элементам (Э. Титченер любил сравнивать обнаруженные им элементы психики с химическими элементами), все психические элементы были «подстрижены», подсчитаны и размещены по таблицам. Хотя автор придерживается интроспекционизма («в сфере психологии интроспекция является последней и единственной апелляционной инстанцией и психологическим свидетельством»), именно интроспекцию он основательно искромсал, заставив метод подчиниться произволу подающего стимулы и собирающего реакции экспериментатора. До формулы бихевиоризма «стимул-реакция», смешавшей человека с его поведенческим проявлением, а последнее – с поведенческой реакцией крысы, оставался один шаг. Его и проделал основатель бихевиоризма Дж. Уотсон, который так гордился этим, что в письме к возлюбленной аспирантке выражается так: «У меня на Вас положительная реакция», как если бы подчистую иссох родник слов, исходящих из сердца. Симптоматично также, что потом он, на пару с этой самой аспиранткой, «смело» запугивает 11-месячного ребенка в эксперименте с обуславливанием эмоций. Случай маленького Альберта, пожалуй, остался в психологии самым некрасивым экспериментом самого,

впрочем, красивого психолога (Дж. Уотсон снискал славу самого красивого психолога).

Против структуриализма Э. Титченера решительно выступает уже известный нам своей «периферической теорией эмоций» У. Джеймс: изучение структуры психики и интроспекция ничего нам не дают, главное понять, как психика связана с реальным адаптивным поведением с одной стороны, и с интересами личности – с другой. Дилемма «тело-душа» переводится в плоскость «индивид-среда»: психическая жизнь есть активность, имеющая функцию приспособления к среде (функционализм). Само же сознание, выполняющее познавательную функцию, есть изменчивый и непрерывный поток, который на поручу оказывается тем же потоком ощущений. Этот поток возможно исследовать, по причине чего он создает ассоциативный эксперимент, впоследствии взятый на вооружение психоаналитиками. Однако само существование сознания ставится им под сомнение – одна из его работ так и называется: «Существует ли сознание?» Указанный поток, по У. Джеймсу, обнаруживается только в акте самосознания, в ходе которого человек научается отличать свое стремящееся утвердиться во внешнем мире «эмпирическое Я», куда входят: «физическая личность» (все, что человеку принадлежит вплоть до тела), социальная личность (имеющая характер множественности ввиду различных социальных ролей), и «духовная личность» (идеалы, идеи, мысли). Очевидно, «духовная личность» самого У. Джеймса не была способна интегрировать его интересы – в разное время он воодушевлялся и разочаровывался в искусстве, анатомии, химии, философии, медицине, психологии, невзирая на удостоенный еще при жизни фирменный знак «классика» психологии. Но главное в том, что он уводит психологию на путь голого прагматизма, отказывая духовной личности в самой себе породить истину. Истинно только то, что дает результат, – считает У. Джеймс, – добро есть попросту удовлетворение спроса, а воля определяет мышление. Иначе, в

образовании идей не участвуют сами идеи, воля беспрепятственно диктует свою логику, а мышление – лишь пешка в игре волевых сил. Остается понять, во-первых, какого рода воля определяет мышление, и, во-вторых, чем такое подвластное воле мышление отличается от фантазий и конфабуляций, например, дамы с конверсионным расстройством, и в-третьих, благодаря какой психической функции можно установить, что «мышление – пешка», и что, если не мышление судит о результате, который Джеймс считает истиной?⁷⁷

Если в своих рассуждениях У. Джеймс следует за философом-прагматиком Ч. Пирсом, объявившим, что «критерий истины – польза», то очередной американский ученик В. Вундта – Дж. Кеттелл, вскоре понимает, что для того, чтобы психология стала точной наукой, необходимо дополнить экспериментальные исследования чем-то, что позволит соблюсти стандартные условия исследования и сопоставить результаты разных исследований. Он и предложил термин «тест» и разработал около 50 тестов для определения чувства времени, оперативной памяти и пр., тем самым впервые введя в психологию его главное действующее лицо – среднестатистического некто, вокруг которого

⁷⁷ Было бы более, чем несправедливо думать, что Джеймс-мыслитель так уж прост. Сомнения гложут его в книге «Многообразие религиозного опыта». Все рассуждения, дискредитирующие религиозные состояния духа (например, что «добродетель и порок такие же продукты, как купорос и сахар», или что «философия какого-то философа меланхолична из-за плохого пищеварения») он называет медицинским материализмом, рассматривая его как угрозу нашей интимной жизни и отрицание ее источников. В работе «Воля к вере» он спрашивает: «Почему такое ограниченное число «ученых» обращает внимание на доказательства, свидетельствующие в пользу так называемой телепатии? Потому, что они думают, ...что, если даже телепатия действительно истинна, ученые должны сплотиться с целью подавить и скрыть это. Телепатия нарушила бы единообразие природы и много других принципов, без чего ученые не могут вести своих исследований». Получается (и так оно и есть), что исследователи проводят свои исследования ради исследований и не удивительно, что как исследования, так и исследователи, не отличаются друг от друга по части своей бесцветности, типичности и серости.

уже больше столетия психология исполняет свой ритуальный танец. «В психологии, – писал Дж. Кеттелл, – невозможно добиться конкретных и точных результатов, как это делается в естественных науках, если не опираться на эксперименты и измерения. Выход – в тестировании умственных способностей как можно большего числа людей»^{78, 79}.

На подхвате оказался тест французов-психологов А. Бине и Т. Симона, разработанный для выявления интеллекта умственно неполноценных детей, неспособных обучаться в обычных школах, а в 1912 г. немецким психологом В. Штерном был введен коэффициент интеллекта *IQ* (*Intelligence Quotient*), определяемый как отношение умственного возраста к хронологическому возрасту, выраженный в процентах. Все одно к одному: всемирное владычество материи, ставка на сосчитанный интеллект, который от этого становится всё более парализованным, потеря внутреннего ощущения своего организма, отход от психологической рефлексии и вековое, нудное, бесконечное, тоскливое манипулирование цифрами. Владельцы научным интеллектом вступили в свои права.

Престиж Вундтовской лаборатории набирал обороты и Дж. Кеттелл посылает своего приемника Л. Уитмера в Лейпциг. Последний, особо не воодушевленный подходом Вундта и нашедший его «сомнительным», имел намерение приложить возможности психологии к исследованию отклонений в развитии. Случай решил за него: после одной из его лекций в Пенсильванском университете к Л. Уитмеру подошла одна из слушательниц с целью проконсультироваться по поводу своего 14-летнего ученика, у которого были проблемы с чистописанием. В

⁷⁸ *James McKeen Cattell, Attention and Reaction, 1893.* – <https://psychclassics.yorku.ca/Cattell/Attention/>

⁷⁹ Дж. Кеттелла также считают родоначальником смежной с клинической психологией юридической психологии, поскольку он проводил первые психологические эксперименты по исследованию свидетельских показаний, побудив интерес к судебной психологии.

результате психодиагностики Л. Уитмер выявляет у мальчика визуально-вербальную амнезию (мальчик запоминал геометрические фигуры, но не запоминал слова) и разрабатывает для него психологическую коррекционную программу. Дальнейшая его профессиональная судьба была ясна – нужно было организовать клинику при университете для помощи умственно отсталым, отстающим в учебе и душевнобольным детям (иначе на что нам психология и ее исследования?), что и было сделано в 1896 г., а в 1907 г. он основывает журнал «Психологическая клиника», в одном из номеров которого предлагает открыть новую специализацию – клиническую психологию, вслед за чем клинические психологи были включены в Американскую психологическую ассоциацию как отдельная секция. Так, невзирая на то, что и до этого термин «медицинская» или «клиническая» психология много раз упоминался исследователями из разных стран, пальма первенства досталась Л. Уитмеру, который через 28 лет после основания лаборатории в Лейпциге внятно артикулирует практическое применение этой науки, заключающееся в психологической диагностике и немедикаментозном лечении аномалий и психологических проблем условно «нормальных». Эти две функции – диагностика и немедикаментозное лечение методами психотерапии закрепились за этой специализацией по сей день. Исследовательская же сторона новой дисциплины путем наблюдений, тестов и экспериментов должна была проводиться параллельно с психологическим и педагогическим вмешательством. «Для методов клинической психологии неизбежно обращение к статусу индивидуального разума ... и его развитию», – писал Л. Уитмер⁸⁰. Клиническая психология, однако, быстро расправилась с «индивидуальным разумом», энергично устремившись к пресным среднестатистическим показателям психического здоровья.

⁸⁰ *Lightner Witmer*, Цит. по: Репина Н.В. и др., Основы клинической психологии. – <https://psyinst.moscow>, стр. 3.

19.

Реалии внутренней жизни индивидуального разума, тем не менее, продолжили свой путь. Энергичный Стенли Холл собрал вокруг себя десятки молодых ученых-психологов и увлек их своими семинарами, проявляя интерес к самым различным областям, одна из которых – шокирующая коллег проблема пола. Дж. Энджел писал Э. Титченеру: «Что может вытащить Холла из этой треклятой сексуальной колеи? Я всерьез полагаю, что уделять так много внимания этой теме дурно в моральном плане и просто неумно». «Неумность», однако, вскоре покорила мир. В 1909 г. он С. Холл приглашает З. Фрейда и К.Г. Юнга на торжества в честь юбилея университета. Выступая перед собравшейся аудиторией, Фрейд выразил искреннюю признательность за это «первое официальное признание» его трудов. Так начался победоносный захват умов психоанализом, а спустя десятилетие Г. Роршах со своим тестом чернильных пятен, направленным на психодиагностику неосознаваемых содержаний психики, предоставил научную поддержку новомодному учению. Со временем Холл оставил тему пола, увлекшись педологией и эволюционной теорией, выдвинув теорию рекапитуляции, которая была переложением биогенетического закона Геккеля-Мюллера на психологию: «онтогенетическое развитие психики ребенка есть краткое повторение всех стадий филогенетического развития психики человека». На сей раз он радикально отрешивается от психоанализа и присягает новому направлению – евгенике, становление которой представляется важным с точки зрения превращения научной идеи в реальность в форме ... газовых камер.⁸¹ Ничуть не удивительно. Ф. Гальтон надеется возвести евгенику в новый религиозный культ, а чтобы сжить со

⁸¹ Евгенические идеи с увлечением воспринял впоследствии одурманенный революцией советский коллегум.

свету изжившее себя христианство, С. Холл издает обстоятельный труд «Иисус Христос в свете психологии», в котором демонстрирует превосходные энциклопедические знания, в итоге трактуя Христа как некоего сверхчеловека, забыв, однако, о главном, ... что имеет дело с Богом. «Церковь потеряла или так исказила Христа, что современная культура больше не может признать его. Но есть глубочайшая социальная потребность вновь его обрести. Основной тезис моей работы – удовлетворить потребность культуры посредством психологического культа сверхчеловечества», – писал С. Холл⁸². Чем обернулся культ сверхчеловека, показала история. Отметим, что дважды избранный президент Американской психологической ассоциации, один из основателей психологии С. Холл удостоился следующей оценке не потерявшего здравый смысл Э. Торндайка: «Он – сумасшедший». С чего бы «сумасшедшему» догадаться, что христианство не изжило себя, но всерьез и не начало жить!⁸³

Здесь необходимо некоторое отступление. В 1859 г. выходит в свет книга Ч. Дарвина «Происхождение видов». Двоюродный брат Ч. Дарвина Фрэнсис Гальтон книгой был крайне вдохновлен. В одном из писем он пишет: «Мой ум томился под бременем старой телеологии, хотя и возмущался против нее, но я не видел выхода, пока меня не освободило появление в свет «Происхождения видов» Дарвина». В детстве Ф. Гальтон был вундеркиндом (к примеру, в восемь лет читал «Метаморфозы» Овидия в подлин-

⁸² Hall, Granville Stanley. 1917. Jesus the Christ in the Light of Psychology. Garden City, New York: Doubleday, Page & company, p. 113.

⁸³ Христианская психология была последним его увлечением. В юношестве его готовили в священники, но нашли его в этом деле откровенно никудышным. Видимо, эта травма возвратилась в его психику: найдя мецената, финансирующего его исследования, он, будучи атеистом и числясь в евгенических организациях как один из лидеров, основывает «Школу религиозной психологии», где и сам преподает, и как преподаватель религиозной психологии успешно делит людей на эволюционно приспособленных и неприспособленных, предлагая оздоровить человеческий род посредством подчинения браков законам науки, по ходу избавляясь от «хищных евреев», которые испортили Запад.

нике) и подавал большие надежды, далее обучался в Кембриджском университете на врача, разочаровался в профессии, увлекся географией, далее стал психологом, но самым страстным увлечением его стала провозглашенная им в 1907 г. новая наука – евгеника, которую он определил как «науку, занимающуюся всеми факторами, улучшающими врождённые качества расы», обосновав социальный дарвинизм в чистом и худшем его проявлении. Если в дикой природе видообразование осуществляется путем естественного отбора, идущего стихийно и нецеленаправленно, то искусственный отбор будет намного эффективнее, когда мы распространим его принципы на человека, ибо человеческий род облагородится. «Если бы одна двадцатая доля стоимости и труда, которые тратятся на улучшение пород лошадей и собак, была затрачена на улучшение человеческой расы, – пишет он, – какую бы галактику гениев мы могли бы создать!» Главное и первостепенное – природа, а не воспитание (*nature, not nurture*), поэтому не воспитание, а скрещивание и перекрещивание людей необходимо взять под государственный контроль (природа, однако, не была к нему благосклонна, если не сказать, мстительна – 43-летний брак Ф. Гальтона остался бездетным). Ответно двоюродным братом воодушевлен и Ч. Дарвин: «Я склонен согласиться с мнением Фрэнсиса Гальтона, что воспитание и окружающая обстановка производят лишь слабое влияние на способности человека, большинство которых в действительности являются врожденными».

У обоих было сходное отношение к школе и университету. Вот что Ф. Гальтон пишет о своей школе: «Литературная пища, которой снабжала меня школа, была для меня совершенно непереварима; это был для меня период застоя, который я долго оплакивал, т.к. мне жадно хотелось учиться, и я мог бы многому научиться, если бы нашелся подходящий руководитель». Не

менее определенно высказывается Ч. Дарвин: «Школа, как средство воспитания, была для меня просто пустым местом»⁸⁴.

Страстным поборником евгеники стал сын Ч. Дарвина Леонард Дарвин, который организовал в 1912 г. в Лондоне Евгенический конгресс, где было предложено исследовать различные классы общества на предмет величины черепа. К его счастью и во избежание конфуза, у него не было детей ни от одного брака (вторым браком он, как и его отец, был женат на своей двоюродной сестре – чем не евгенический эксперимент?), зато семикратно орденосный внук весьма плодовитого Ч. Дарвина от другого сына, тоже Чарльз Дарвин, был президентом «Евгенического общества», и в 1926 г. опубликовал книгу «Необходимость евгенической реформы», а в уже в 1933 г. эта реформа забрезжила реализацией. Сегодня реформа продолжается в генной инженерии и клонировании, обещая генномодифицирование детей, животных и растений. Так наука связана с жизнью.⁸⁵

Ф. Гальтон первым ввел в психологию математические методы, первым предложил, как вычислить коэффициент корреляции в психологических исследованиях (используемый в наши дни коэффициент корреляции Пирсона был сформулирован его учеником Пирсоном), первым ввел в психологию статистический

⁸⁴ Кольцов Н.К., Генеалогия Ч. Дарвина и Ф. Гальтона. – <https://tech.wikireading.ru/hgefj9AyEP>

⁸⁵ Еще одной нитью наука связана с современностью. В 1952 г. он опубликовал получившую широкую известность книгу «Следующий миллион лет» (The Next Million Years), в которой обратился к проблеме «мальтузианской катастрофы» – постоянный рост населения Земли, которое ограничивается лишь голодом и войнами в условиях весьма ограниченных ресурсов, которую считал неизбежной. Причиной этого, согласно Дарвину, является неспособность человечества рационально ограничивать свою численность, подобно тому, как человек управляет количеством и качеством домашних животных, и в этом смысле человек – «дикое» животное. Методы планирования семьи на индивидуальном уровне опираются на сознательность отдельных людей, чего нельзя ожидать от всех представителей населения даже одной страны, не говоря уже о человечестве в целом. С началом коронавируса эти кажущиеся вздором идеи приобрели реалистичный характер. Но вернемся к Ф. Гальтону.

метод наряду с экспериментом. Необходимо не на шутку вникнуть в последующий ряд: Ф. Гальтон является основоположником одновременно: дифференциальной психологии, корреляции, психометрики и евгеники.

Не будет логичным предположить, что психология как наука дегуманизирована настолько, насколько евгеническая? Возможно, психология имела бы другую судьбу, не прими она математические выкладки за «чистую монету», за что расплачивается чистоганом обездушенной природы и неестественной души. Однажды Нильса Бора спросили, когда увидели подкову над его дверью: «Неужели вы, знаменитый физик, верите в то, что подкова, висящая над дверью, приносит удачу». «Конечно нет, – ответил Нильс Бор, – но говорят, подкова приносит удачу даже тем, кто в это не верит». Даже если не верить в евгенику и даже в достоверность результатов психологических исследований, они буквально влияют на ход, стиль и менталитет научной мысли, а вслед за нею жизни. Во всяком случае, категорически недопустимо смотреть на научную мысль исключительно как на мыслительный оборот – он может оказаться научно окрашенным злом, которое хуже неокрашенного. В связи с этим, мнения, как: «сам Фрэнсис Гальтон никогда не рассуждал об уничтожении неполноценной части человечества»⁸⁶, или «рассуждения Гальтона носят расистский характер, но это расизм академический, а не агрессивный – таковой был чужд как Гальтону, так и Дарвину»⁸⁷, папахивают настоящим чистоплюйством. Существует также распространенное одурение по части негативной и позитивной евгеники, как будто вмешательство в человеческие судьбы и интимные чувства – тот еще позитив! Следует по меньшей мере определить грань между академическим и агрессивным, а по

⁸⁶ Багоцкий С.В., Человек, который изобрел евгенику, журнал «Химия и жизнь», №3, 2022, . – https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/436363/-Chelovek_kotoryy_izobrel_evgeniku

⁸⁷ Канаев И.И., Френсис Гальтон, Л., "Наука", 1972, 184 с. – стр. 48

большей – задаться вопросом: а не случится ли так, что в дальнейшем это «академическое» расшумится так, что на природу будет списываться все и природой будет прикрываться всякий. Например, что нищета передается по наследству и, следовательно, является биологическим, а не общественным явлением; что сексуальный извращенец – всего лишь «личность с особыми природными потребностями» и пр., ведь все это – всего-навсего идеи, вдобавок подкрепленные природными закономерностями, поэтому безвредны. Но кто редуцировал природу человека именно к «такой» природе, разве в его природе нет места «иной», не плотской природе? С конца прошлого века наука окончательно потеряла связь с этой последней, и, похоже, только трагические события могут привести ее к поиску их соотношений.

20.

Идеи евгеники мгновенно пробрались в постреволюционную Россию, возникло Евгеническое общество, издавался «Российский евгенический журнал», а чтобы ускорить мировую революцию, предложили создать банк спермы руководителей Коминтерна, но марксизм-ленинизм быстро «слопал» евгенику с потрохами, т.е. вкупе с генетикой. В психологии установилась социальная обусловленность и партийность, куда допускалась разве что «нервная система» и медицинская модель, основанная еще до революции С.С. Корсаковым, который вслед за немецким психиатром Э. Крепелином, отстоял свободное от философских измышлений и вообще всего человеческого нозологическое направление психиатрии; но вопрос, что есть душа и есть ли она вообще, чрезвычайно будоражил умы царской России, отчего физиологи и психиатры постоянно оглядывались на зародившуюся психологию, связывая с ней надежды на некий научный прорыв, а по сути, на повторное, более углубленное подтверждение их научного и практического опыта. По крайней мере, эта «оглядка» свидетельствовала об интеллектуальной честности и скромности, а зачастую об обострённо-нравственном облике ученых того времени, невзирая на материализм естественнонаучных взглядов, – С.С. Корсакова, В.А. Гиляровского, В.П. Сербского, М. И. Аствацатурова. Их нонконформистский человеческий тип в жизни и подход к науке, ратующий за союз с психологией, не идет ни в какое сравнение с современными сектантами от науки и конформистами в жизни, объявляющими, к примеру, что «серотонин решает все», репрессировав дальнейшее размышление и поиск во всех областях.

Показателен в этом смысле пример И.М. Сеченова, задолго до Л. Уитмера обратившегося к «медицинской психологии». В одном из писем 1876 г. он писал, что приступает к созданию медицинской психологии, которую называет своей «лебединой

песней»: «Наука эта, очевидно, становится основой психиатрии, все равно как физиология лежит в основе патологии тела»⁸⁸. Скорее всего, симпатии к медицинской психологии объяснялись постоянным интересом к тому, «из каких причин развивается болезнь». За то, что образование не дает никаких сведений о них, на четвертом курсе медицинского факультета Московского университета он возненавидел медицину. Заметим, что, невзирая на достижения, медицина до сих пор остается в отношении этиологии как соматических, так и психических болезней «без сведений». «Виной измены моей медицине было то, что я не обнаружил в ней того, чего ожидал – голый эмпиризм вместо теорий» – жаловался И.М. Сеченов. Такое признание становится занимательным, если знать, что сам он был эмпириком до мозга костей или ...до суда. За свою работу «Рефлексы головного мозга» он поплатился ссылкой, будучи судимым за «сочинение, противное нравственности», – выходило, что души нет, а есть только рефлексы.⁸⁹ В отношении науки И.М. Сеченов был радикален, игнорируя обвинения в «крайнем материализме», приводящем к порочности, по всей видимости полагая, что физиология вершит также в сфере нравственности: «Все бесконечное разнообразие внешних проявлений мозговой деятельности сводится окончательно к одному лишь явлению – мышечному движению. ...Мысль – с физиологической точки зрения – рефлекс с угнетенным концом: возбуждение, психологический анализ и синтез в головном мозгу и отсутствие третьей части

⁸⁸ Цит. по: *Залевский Г.В.*, Введение в клиническую психологию, 2019. – <https://studme.org/315757/psihologiya/predislovie>

⁸⁹ У подсудимого, прошедшего много лет в обществе лягушек, даже возникла мысль притащить на суд лягушку и наглядно показать процесс рефлекторного возбуждения и торможения, т.е. суд присяжных можно было убедить только через лягушку. Засевшее в умах всемогущество зоологии продолжает в науке эту логику доказательств.

рефлекса – движения»⁹⁰. Вместе с тем, он был далек от территориального экспансионизма и отдавал многие понятия на откуп психологии: «Всё психическое как звенья машины, например, механизм памяти, работает независимо от сознания, рассуждения и воли, а ...объяснить как следует такие сложные явления мы, конечно, еще не умеем»⁹¹. Примечательно, что И.П. Павлов и вовсе запрещал произносить в своей лаборатории слово «сознание». Но психология сама «не обрела» сознание и волю, создав в области познания внутреннего мира безвоздушное пространство, куда со свистом вторглось естествознание. А вот отрывок из той же речи И.М. Сеченова, определивший его науке беспощадный лимит: «Естествознание в обширном смысле слова есть наука о связях, отношениях и зависимостях между предметами внешнего мира и их составными частями». Именно «внешнего» и именно «предметного», потому что «внутреннее» и «абстрактное» требуют иного метода.

⁹⁰ Сеченов В., История медицины, https://www.historymed.ru/encyclopedia/doctors/index.php?ELEMENT_ID=4960

⁹¹ Речь И.М. Сеченова О предметном мышлении с физиологической точки зрения, произнесенная на в общем собрании IX Съезда русских естествоиспытателей и врачей 4 января 1894 г. . – <https://rusneb.ru>

21.

Кричащим образцом бескомпромиссного служения «внешнему» является противоречивая фигура И.П. Павлова. Сеченовскую книгу «Рефлексы головного мозга» он называл «гениальным взмахом мысли». А «взмах», по словам Л.А. Орбели, заключался в том, что Сеченов сделал попытку ввести естественнонаучный метод в психологию, т.е. подвести физиологические основы под психические явления⁹². Уже в 1903 г. И.П. Павлов пошел дальше, объяснив не только психологию, но и патопсихологию физиологическими экспериментами, находя причину невротических явлений в слабости нервной системы. «Наука движется толчками в зависимости от успехов, делаемых методикой», – справедливо считал он, ни на минуту не сомневаясь в непогрешимости и незаменимости естественнонаучного метода. Только упоминание о чем-то, что намекало на внутреннее, метафизическое или даже психологическое вызывало в нем негодование, а когда однажды речь зашла о загробной жизни, он разразился типичным для психотика аффективным приступом, вызванным, очевидно, неслыханным упрямством указанной жизни стать подзаконным его методу.⁹³ Ирония заключается в том, что среди

⁹² Орбели Л.А., Избранные труды в пяти томах, т. 5, Изд-во «Наука», Ленинград, 1968, стр. 39.

⁹³ Впоследствии неудавшийся литератор и психолог Б. Скиннер вторит ему из далекой Америки. «Свобода», «достоинство», «творчество» и пр. – объяснительные фикции. Человека от белой крысы отличает только вербальное поведение (или по Павлову – вторая сигнальная система). Когда же мы отбросим ответственность вместе со свободной волей?» (*Skinner B.F., Science and Human Behavior, N.Y., 1953, p.116*) Мы не считаем людей ответственными за рефлексы, к примеру, за кашель в церкви. Мы считаем их ответственными за их оперантное поведение, к примеру, за то, что они не выходят из церкви, чтобы откашляться. Личная ответственность, следовательно, связана не с личностью, а методами управления поведением. Еще в одном важном вопросе была перекличка, на сей раз с Э. Торндайком, исследующим слепые пробы, ошибки и случайный успех, закрепляющий удачные пробы, что определяло путь приобретения опыта у животных и людей. Обезьяны в павловской лаборатории решали задачи

пылко ненавидимых и не подзаконных методу, поэтому не имеющих права на существование понятий, в лаборатории приветствовалось произносить самое идеалистическое слово – «свобода», но исключительно в значении «рефлекса». «Рефлекс свободы» – физиологическая реакция собаки на сковывание движений, которая оказалась мощнее пищевого рефлекса, ученого изумил, а признание наличия в организме нематериального начала – души (равно как и интроспекция), было равносильно вздору, ибо такой «принцип как душа человеку не нужен». Свою нобелевскую речь И.П. Павлов заключил словами: «В сущности нас интересует в жизни только одно – наше психическое содержание. Его механизм, однако, был и сейчас еще окутан для нас глубоким мраком. Все ресурсы человека – искусство, религия, литература, философия, исторические науки – всё объединилось, чтобы пролить свет на эту тьму. Но в распоряжении человека есть еще один могучий ресурс – естествознание с его строго объективными методами». Все психическое должно было «лечь» под его метод, в данном случае – под его «нож». Блестящий хирург в области собачьего пищеварения и нервной системы (ему повезло обучиться экспериментальному мастерству и хирургической технике у легендарного И. Циона), неутомимый труженик и «страстный» физиолог, он душил в себе всякий намек на проявление человечности и советовал то же молодым: «Когда я приступаю к опыту, связанному в конце с гибелью животного, я испытываю тяжёлое чувство сожаления, что прерываю ликующую жизнь, что являюсь палачом живого существа. Когда я режу, разрушаю живое животное, я глушу в себе едкий упрёк, что грубой, невежественной рукой ломаю невыразимо художествен-

методом «проб и ошибок», в результате чего формировались новые ассоциации и накапливался опыт. «Все обучение заключается в образовании временных связей, а это и есть мысль, мышление», – заключал И.П. Павлов. Бедное расщепленное и раздробленное мышление, призванное сводить все части воедино и не «временно»!

ный механизм. Но переношу это в интересах истины, для пользы людям». Социальные психологи назвали бы это когнитивным диссонансом, чреватый тревогой, виной и стыдом, но душевное состояние и образ жизни ученого не свидетельствовали о каком-нибудь психологическом дискомфорте. Польза людям по части хирургии бесспорна, но неужели колоссальная работа амбициозного и задиристого ученого потрачена на доказательство того, что свобода – ничто иное как рефлекс и определяется дотошным подсчетом капель собачей слюны, а «отдача себя на волю сильнейшего, аналогом чего является человеческое бросание на колени и падение ниц – «рефлекс рабства»? Павловский почин прошел не без пользы для психологов; они пошли еще дальше, со всей серьезностью посчитавших эту каплю «единицей меры психических явлений»⁹⁴. Просто и удобно, но сам автор этой «заваухи» таковым не был.

В чем же противоречивость личности И.П. Павлова? До сих пор идут споры по поводу двух моментов, первый из которых – принял ли он революцию или нет, второй – был ли атеистом или верующим. Первое. Судя по известным высказываниям, он категорически ее не принял, но невзирая на едкую критику большевизма, власти предоставили оснащенную лабораторию и полную материальную обеспеченность ему, его сотрудникам и собакам. В условиях повсеместной разрухи и голода это было так неслыханно, что один математик, генерал и острослов попросился к нему ... в собаки. Когда на выборах в Академию наук И.П. Павлов запальчиво выступил против партии, известный востоковед С.Ф. Ольденбург возразил: «Вы можете так говорить, вам позволяется, вас не тронут, вы в привилегированном положении, вы идейный руководитель их партии, большевики сами об этом говорят». В этом разгадка: в привилегированном положении он

⁹⁴ *Кассирский И.А.*, И.П. Павлов и его значение в медицине, «Медгиз», Москва-Ленинград, 1941, стр. 26.

оказался не потому, что был Нобелевским лауреатом, из-за чего «красные» вдруг его зауважали или опасались расправиться, а потому, что он был их идейным «крестным отцом». Получается: буквально он был «против», а фактически – «за». Шквал обвинений в сторону властей – только «внешнее», а для естественников (как мы помним) нет ничего, кроме внешнего, но не в смысле неискренности, а в самом прямом – речь о «внешнем», поверхностном понимании происходящего. Чего стоит только отрывок его письма в Совнарком в декабре 1934: «Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До Вашей революции фашизма не было ...Да, под Вашим косвенным влиянием фашизм постепенно охватит весь культурный мир. ...Я всего более вижу сходства нашей жизни с жизнью древних азиатских деспотий. Пощадите же родину и нас». Председатель совнаркома В.М. Молотов, вопреки крокодильим повадкам, отреагировал на письмо довольно мило – дескать, занимайтесь своим делом, мы в вашу науку не лезем. Но именно наука, отказавшаяся сначала от духа, потом от души, породила этот мертворожденный плод, продержавшийся семь десятков лет. Если бы В.М. Молотову вдруг пришлось бы прозреть, ему стоило бы добавить: «Вы со своей стороны, мы – со своей, совершаем общую разрушительную работу». И.П. Павлов сам со всей ясностью высказался по этому поводу в обращении к делегатам XV Международного конгресса физиологов на приеме в Кремле: «Как вы знаете, я экспериментатор с головы до ног. Вся моя жизнь состояла из экспериментов. Наше правительство – также экспериментатор, только несравненно более высокой категории. Я страстно желаю жить, чтобы увидеть победное завершение этого исторического социального эксперимента». Горько было бы ему дожить до бесславного завершения этого эксперимента, но бесславность эта – частью и его вина. Какой? Частью все того же метода. Речь вовсе не о политической трескотне (принял или не принял революцию), а о родственности

метода науки и политики и проистекающей от нее слепоте в отношении безмерной невидимой части человека и Вселенной. Если эксперимент дает основание, чтобы «похоронить» душевное, а человек – результат опытов над животным, за что ратует академик Павлов, чем это не фашизм, в котором он обвиняет власти? «Пираты Тихого океана, – замечает остроумный И. Цион, – никогда не слышали о Дарвине, однако проводят в жизнь его идеи и идеи Крапоткина почище, чем его последователи»⁹⁵. Таковы парадоксальные соотношения внешнего и внутреннего, когда внутреннее, как краеугольный камень внешнего, выброшено на задворки.

Вторая волнующая биографов и историков науки тема – его отношение к Богу, и здесь также не все однозначно. Отстаивание абсолютного и непререкаемого права естественнонаучной мысли не оставляло шансов: «Я рационалист и с религией покончил», что не помешало тому, чтобы завещать похоронить себя по православному обычаю и ходить в церковь в Пасху и Рождество, где его никогда не покидали ощущения радости. Но не это важно. Главное заключается в другом, и прежде, чем перейти к нему, приведем некоторые наблюдения современников. Мы уже отмечали необычайное трудолюбие И.П. Павлова, прибавим к этому редкую исследовательскую честность. Факты должны были быть тщательно собраны, точно зарегистрированы, проверены и перепроверены. «Поразительное явление – пишет Орбели, – после 62-летней исследовательской деятельности И.П. Павлова мы не знаем ни одного факта, который был бы опровергнут, и мы не можем представить себе ни одного факта, который мог бы быть опровергнут. Ему приходилось отказываться от своих теоретических представлений, он их менял, он их переворачивал, он их заменял новыми, но от фактов ему не пришлось отказы-

⁹⁵ Цион И. Ф., Нигилисты и нигилизм, Университетская типография Каткова, М., 1886, стр. 116.

ваться, потому что факты были всегда безукоризненны»⁹⁶. Он умел годами «неотступно думать об одном избранном предмете, в то же время не утомляться от этого «думания», а особенная его любовь к свободе научной мысли выражалась в способности, по его словам, «лазать за кулисы фактов»⁹⁷. Приведенный отрывок проливает свет на одну значительную «вылазку» за «кулисы», вследствие которой оказалось, что честное, продолжительное и строго последовательное естественнонаучное исследование приводит – ...к Богу.⁹⁸ Вот эта редчайшая догадка из уст И.П. Павлова: «Человеческий ум ищет причину всего происходящего, и когда он доходит до последней причины, – это есть Бог. В своём стремлении искать причину всего он доходит до Бога. Но сам я не верю в Бога»⁹⁹. Можно спросить: как мог клятвенный материалист и атеист в конечном итоге своих чисто естественнонаучных изысканий дойти до Бога? Вопрос наводит на другой вопрос: а как мог, к примеру, клятвенный христианин и глубочайший верующий Агриппа Неттесгеймский еще 5 столетий назад через натуралистически познанную природу прийти к тайнам духа, а многим «чудесным» явлениям давать естественнонаучное объяснение? Парадоксально, но идущие с противоположных концов, они в какой-то точке оказываются единомышленниками, и еще шаг – и оба они будут находиться в исходной точке той области, которую, по словам Цицерона, скрыла

⁹⁶ *Орбели Л.А.*, Избранные труды в пяти томах, т. 5, изд-во «Наука», Ленинград, 1968, стр. 66.

⁹⁷ *Кассирский И.А.*, И.П. Павлов и его значение в медицине, «Медгиз», Москва-Ленинград, 1941, стр. 45.

⁹⁸ «Что бы я хотел пожелать молодежи, посвятившей себя науке? Прежде всего – последовательности. Об этом важнейшем условии плодотворной научной работы я никогда не могу говорить без волнения. Последовательность, последовательность и последовательность. С самого начала своей работы приучите себя к строгой последовательности в пополнении знаний». (Из письма И.П. Павлова к молодежи)

⁹⁹ Цит. по: *Петрова М.К.*, Из воспоминаний об академике И.П. Павлове, Вестник Российской АН, 995, том 65, № 11, стр. 1016-1023. – <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VRAN/PAVLMEM.HTM>

природа («*quae natura occultavit*»), т.е. в исходной точке тайной, «окультурной» науки. В свое время этот шаг сделал Агриппа, а чтобы сделать этот шаг академику Павлову, достаточно было вникнуть в ... «Фауста», которого он имел в своей обширной библиотеке в красивом кожаном переплете в переводе А. Фета. Тогда он сам превратился бы в Фауста, осознавшего, что «ничего не в силах знать мы», пока не поймем, «что от тварей естества один отличен я подобьем Божества», а в назиданье ученикам сказал бы, как Фауст Вагнеру: «Но знай, когда в тебе не бьет священный ключ, ты жаждаешь осужден, в науках утопая». В результате своих естественнонаучных изысканий Гете выводил представления о духе («Мир духов рядом, дверь не на запоре, но сам ты слеп и все в тебе мертво»). Пока что-то одно не свяжется со всем во Вселенной, пока воля к свободе застревает на рефлексе, пока несущая в себе смерть «материальная конструкция мозга» отделена от вневременных, по его по выражению, «беспространственных понятий психологии», науки не утолят жажду познания, хотя бы денно и нощно в них утопали ученые. Да что там утоление жажды! Они не в силах объяснить многие ими же обнаруженные факты, например, гипертрофирующим значение мозга исследователям неплохо было бы подумать, почему при вскрытии мозг гениального Д. Менделеева оказался без извилин?

В январе 1936 г., за месяц до своей кончины, И.П. Павлов пророчесствует о будущем науки, которое и сегодня не наступило и, возможно, еще не наступит завтра: «Приближается важный этап человеческой мысли, когда физиологическое и психологическое, объективное и субъективное действительно сольются, когда фактически разрешится или отпадет естественным путем мучительное противоречие или противопоставление моего

сознания моему телу»¹⁰⁰. Чтобы найти точку «слития», для начала необходимо кардинально поменять ракурс рассмотрения как «сознания», так и «тела», поняв, что сознание – не пустой сосуд, в который из мозга капает мысли, тело – не машина, запрограммированная на рефлекс, а природа – не некий «опекающий научный чин», эксперименты над которым дают ответы на интимные и судьбоносные вопросы души.

¹⁰⁰ Павлов И.П., Полное собрание трудов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949, т. 3., цит. по: Загрина Н.А. Вклад академика И.П. Павлова в психологическую науку, В: Медицинская психология в России: электрон. науч. журн., 2012, N 6 (17) . – http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2012_6_17/nomer/nomer21.php

С определенными отклонениями, но те же взгляды разделял стажировавшийся у П. Флексига В.М. Бехтерев. В 1885 г. он открывает в Казани первую в России лабораторию клинической (называлась «медицинской») психологии, где разрабатываются вопросы физиологии и психологии с позиций рефлекторной природы психики, а в 1907 – Психоневрологический институт в Петрограде. Имея некоторые личные и идейные разногласия с И.П. Павловым (В.М. Бехтерев защищал права «чистой психологии»), он солидарен с ним в главном, а именно, в неизменности метода исследования психических процессов: «Было бы совершенно бесплодно еще раз обращаться к методу самонаблюдения. Только экспериментальным путем можно достичь, возможно, точного и обстоятельного решения вопроса». Параллельно Г.И. Челпанов основывает Московский Психологический институт и успевает раскритиковать детерминацию психического физическим («психическое объясняется только из психического», а «многие факты душевной жизни трансцендентны, и поэтому не поддаются объективному объяснению и исследованию»), за что увольняется из созданного им института в 1923 г. Заступивший на его место, по выражению Г.И. Челпанова, «философски беззаботный» психолог-академик и марксист К.Н. Корнилов, сужает психологию до изучения простых и сложных реакций (это называлось «реактология»), так неприлично упростив и обездушив психику (реактивность определялась им как свойство, характерное не только для животных и человека, но и для неорганического мира), что такое не снилось даже Э. Титченеру. Побили его свои же, марксисты, – на партийном собрании он был обвинен в непонимании роли социальной детерминированности сознания. В дальнейшем В.М. Бехтерев основывает Педологический институт – центр по изучению личности и его отношений с коллективом, кредо которого: «изучить человека и суметь его воспитать», или, по выражению А. Луначарского, запустить

процесс производства нового человека параллельно с производством нового оборудования, которое идёт по хозяйственной линии». Воспитать, конечно, не пришлось – сталинисты считали педологию извращением, да и сами педологи опасались выразить определенную точку зрения на нее. Вот что писал П.П. Блонский об этой игре: «Советская педология не может рассматривать игры исключительно с физиологической, биологической или индивидуально-психологической точки зрения, ...она еще не успела выработать вполне удовлетворительную теорию»¹⁰¹. Очевидно, часто цитируемый автором Энгельс не удосужился высказаться о детской игре, что привело к затруднениям в идейных ориентировках. Но в чем были уверены педологи, так это в том, что «наряду с растениеводством и животноводством должна существовать однородная с ними наука – человеководство, ...и занять своё место рядом с зоотехникой и фитотехникой, заимствуя от последних, как более разработанных родственных наук, свои методы и принципы»¹⁰². Эти слова – не просто и не только шедевр инкубаторного искусства, мимо которого можно пройти с иронической улыбкой, они чрезвычайно серьезны по части проницательности и прямо-таки пророчества в свете судеб психологии и медицины, если учесть, что судьбами их вершили и вершат ... «животноводы» и «фитологи» со своими методами и принципами и примкнувшие к ним «чертежники» со своими схемами, цифрами, графиками, таблицами, гистограммами и чем-то еще.¹⁰³

¹⁰¹ Блонский П.П., Педология, 1934. – http://elib.gnpbu.ru/textpage/download/html/?bookhl=&book=blonsky_pedologiya_1934

¹⁰² Блонский П. П., Педагогика, 1922, Цит. по: Эткин А.М., Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии, «Вопросы психологии», сборник номеров 1980-1998. – ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ № 905 (voppsy.ru)

¹⁰³ Кстати, о судьбах. Психология, как нам кажется, разделяет судьбу спящей красавицы: она уже умерла в своем привычном и всеми признанном облике (= методе) и проснется в ином, где методом будет сам человек «по облику и подобию», а инструментом – его душа.

23.

Из Германии слышится самобытный голос одного из основоположников психологии Ф. Brentano, который резко проводит границу между физическими и психическими феноменами. Физическое и психическое, внутреннее и внешнее различным образом проявлены в сознании. Первые есть в себе покоящееся бытие, вторые имеют своеобразный родовой признак – интенциональность, т.е. направленность сознания на объект. Сознание всегда есть отношение к чему-то реальному или нереальному – я ощущаю, чувствую, мыслю нечто. Психические феномены, которые он подразделял на акты представления, суждения и любви-ненависти, в качестве внутреннего опыта сами являются источником своей очевидности и не требуют доказательств. Здесь достаточно всестороннего описания этих феноменов, и на основании этого построения целостной картины сознания. Последнее – задача дескриптивной психологии, тогда как установление законов, которым подчиняются явления сознания, есть задача генетической психологии. Сама же психическая деятельность направлена не только на вещи или реальное, но и на идеальное или дух. На примере музыкальной паузы, при которой мы ничего не слышим, но эту паузу интенсивно воспринимаем, он показывает, что восприятие существует, даже когда нет чувственного опыта и объекта слушания, оно находится над опытом, без ощущения с соответствующим анализатором, следовательно, особое восприятие без чувственного объекта возможно. Отсюда Ф. Brentano должен был прийти к созерцающему мышлению и сверхчувственному опыту, а от них – к бессмертию души, чего не последовало. Попытка ответить на вопрос «почему» отсылает к двум его убеждениям. Первое: способ исследования, считает он, не может быть иным, кроме как основанным на естественнонаучном познании, ибо остальное не научно: «Моя исходная уста-

новка в психологии является эмпирической»¹⁰⁴. С этого заявления начинается его свой основной психологический труд под названием «Психология с эмпирической точки зрения», а обещанный второй том, где он намеревался продолжить свои рассуждения о внечувственном опыте, так и не появился.

Как честный мыслитель, Ф. Brentano не удовлетворен также применением метода естествознания к внутренним процессам. «Существуют факты, одинаково достоверные и в опыте внешнем, и в опыте внутреннем, – пишет он. И охватывающие их законы, именно в силу широты действия, не являются специфичными ни для естествознания, ни для психологии. Более того, их равная принадлежность как той, так и другой науке говорит о том, что они не могут быть причислены ни к одной из них»¹⁰⁵. Невзирая на признание фактов, выходящих за пределы чувственного мира, что привело бы его, если не к сверхчувственному познанию, то хотя бы к признанию бессознательного, он преграждает себе путь вторым убеждением: «Психическое может быть только осознаваемым», – заявляет он после досконального анализа аргументов десятка авторов, допускающих или отвергающих существование неосознаваемой психической деятельности¹⁰⁶. Как мы можем знать о содержании бессознательного, если мы не осознаем его? Если в сознании есть содержание, то оно уже не может быть бессознательным.

Итак, для Ф. Brentano нет ничего в психике, кроме внутренних наблюдений, которые можно зафиксировать эмпирически, и

¹⁰⁴ Brentano Ф., Психология с эмпирической точки зрения. – <http://www.jogral.ru>, https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/fenomenologija/brentano_f_izbrannye_raboty/53-1-0-194

¹⁰⁵ Brentano Ф., Психология с эмпирической точки зрения. – <http://www.jogral.ru>, https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/fenomenologija/brentano_f_izbrannye_raboty/53-1-0-194

¹⁰⁶ Brentano Ф., Цит. по: Ф.Б. Бассин, Проблема бессознательного, М., «Медицина», 1968, 467 с. – стр. 59.

нет ничего, что можно было бы не осознавать. Эти жесткие познавательные рамки он поставил себе неспроста, а чтобы вдруг не «соблазниться пустым сиянием», не принять научный факт за псевдонаучный, не подходить к проблемам психики без должной осмотрительности, не допустить путаницы даже в привычно употребляемых понятиях. Но тем самым он поставил перед собой непреодолимую границу познания, начальные шаги которого прошел самостоятельно и индивидуально.

Не менее индивидуальны и далеки от общепризнанных мнений его рассуждения о нравственном.¹⁰⁷ «Становящиеся», а не готовые этические нормы для Brentano составляет основу понимания нравственного. Нравственное или, его словами, «естественные санкции нравственного» не созданы, а каждый раз создаются заново, ибо не мысль «так приказано тем-то», ни чувственное побуждение, ни страх перед наказанием и надежда на воздаяние, ни мысль о волевом приказании не могут быть естественной санкцией законного и нравственного»¹⁰⁸. Категорический императив Канта для Brentano – не решение вопроса, а меч, выхваченный Александром, чтобы разрубить Гордиев узел.

«Столь откровенной фикцией делу не помочь», – говорит он, а дело это требует безотлагательного решения, и в первую очередь, в области познания. Этический мотив исходит из познания преимущества правильности выбора, который сообщает твердость и силу этому выбору, а благо, которое выбираешь, достойно того, «чтобы его любили ради него самого». В основе выбора должно быть познание «искомых понятий блага и зла, а также истинного и ложного», ибо познанное уже есть благо. Итак,

¹⁰⁷ Подробнее об этом: *Шавердян Г.М.* Познавательное приключение (к 100-летию со дня смерти Ф. Brentano), журнал «Перспективы Науки и Образования», 2017, 2 (26).

¹⁰⁸ *Brentano Ф.*, О происхождении нравственного познания, Доклад, прочитанный 23 января 1889 г. в Венском юридическом обществе, библиотека Я. Кротова. – http://krotov.info/libr_min/02_b/re/brentan2.html

любовь и «акт предпочтения», совершаемый человеком, опознавшим истину данной конкретной ситуации, составляют основу нравственного. В итоге: одинаково безнравственно, если один наделен всеми познаниями, но лишен благородной любви, так же как, если другой в избытке наделен благородною любовью, но лишен познаний.

Имя Ф. Brentano традиционно связывают с понятием интенциональности (от лат. *intentio* – стремление, намерение). Но подобно тому, как интенциональность постигается посредством идентификации со смыслом психического феномена и заинтересованности в его рассмотрении, самого Ф. Brentano адекватнее воспринимать с точки зрения его интенции, ибо он – весь интенция, длящаяся в умах тех, кто внимал его речам. Это – К. Штумпф, Э. Гуссерль, родоначальник гештальтпсихологии Христиан фон Эренфельс. Они – наиболее проникательные исследователи сознания, при том, что целая армия психологов не удосуживается знать о них, даже при написании увесистых монографий о сознании.

У истоков психологии стоял также ученик Ф. Brentano К. Штумпф, учениками которого, в свою очередь, были гештальтисты К. Коффка, М. Вертгеймер и В. Кёлер. Обладая незаурядными музыкальными способностями, он проводил эмпирические исследования в области музыкального восприятия, придя к выводу о «сплавлении» множества звуков в целостность, тогда как диссонанс вырывается из этой целостности. К таким выводам он пришел методом интроспекции при посредничестве профессиональных музыкантов, отказавшись принять результаты экспериментов лейпцигской лаборатории, чем вызвал негодование В. Вундта, проводившего те же акустические эксперименты в лабораторных условиях. Он не разделял взглядов Вундта по поводу дробления опыта на элементы, считая, что такой метод делает опыт искусственным и абстрактным, и, следовательно, он более не может быть естественным. Для естественника это было

ударом «насмерть» – как мыльный пузырь лопалась основа и предмет гордости естественнонаучного познания. «Это не правда, что естествознание ведёт речь только о явлениях, – пишет К. Штумпф, – Нет ни одного естественного закона, который позволял бы выражать себя как закон чистых явлений, если мы берём это слово в строгом (субъективном) смысле. Среди явлений нет причинности»¹⁰⁹. Если законы природы выводятся с помощью органов чувств или какой-нибудь отдельной психической функции, мы постигаем их как целостные люди. Не случайно, что он первый ввел в обиход психологии термин «гештальт» и положение о целостности восприятия, которое гештальтпсихологи положили в основу разработок.

Под влиянием Ф. Brentano К. Штумпф считал собственным предметом психологии функции или акты, но не в смысле подчиненного адаптации функционализма В. Джеймса, достигаемого посредством дрессировки рассудка, а в ракурсе идеальной функциональной психологии. Акты восприятия, понимания, хотения и аффективные акты он различал от феноменов – сенсорных, понятийных или ценностных содержаний, которые уже наличествуют в сознании. Последние он считал предметом изучения феноменологии, а не «чистой» психологии. При этом, «психические функции могут изменяться без изменений в явлениях или феноменах»¹¹⁰. Это означает, что, например, хотение как акт воли, может появиться спонтанно и автономно, независимо от каких-либо изменений в уже имеющихся содержаниях сознания и даже без них. Вот почему «феноменалистическая психология может понимать волевой акт только детерминистически (ибо иначе она должна была бы искать свободу в каких-

¹⁰⁹ Штумпф К., Психология и теория познания// Политическая концептология, № 3, 2015 г, стр. 177-208, стр. 195. – <https://politconcept.sfedu.ru/2015.3/11.pdf>

¹¹⁰ Штумпф К., Явления и психические функции. – <https://fil.wikireading.ru/14174>

нибудь бессознательно-психических актах). Напротив, представитель функциональной психологии не «должен быть в качестве такового вместе с тем детерминистом». Эти рассуждения ведут К. Штумпфа к допущению свободы воли. Все это не учитывается, потому что исследователь с головой окунается в явление, меж тем «как психолог, как и любой, для кого наука есть нечто большее, чем ремесло, должен иметь ясность относительно основ всего знания»¹¹¹. Цитируемая книга («Psychologie und Erkenntnisstheorie») была издана в 1891 г., но впрямую спросить и оставить без ответа: «Сколько психологов из многочисленной армии психологов задумывается над основами знания и сколько прошмыгивают мимо?»

Не менее ценным является утверждение К. Штумпфа в том, что прогрессивное развитие в сфере психического не всегда подчинено прогрессивному развитию в сфере физического, а психическое, в частности, деятельность мышления в особых случаях концентрации может не зависеть от чувственного объекта, т.е. возможно мыслить в сверхчувственных понятиях. «Мышление в понятиях оказывается также во всех своих операциях (аналитических, синтетических и т. д.) гораздо более независимым от явлений (images), чем принимала и долгое время учила нас ассоциативная психология. Даже так называемая внутренняя речь не есть необходимая составная часть интеллектуального процесса. При известных условиях могут совершаться логические операции без каких-либо изменений в явлениях, включая сюда и представления слов. Быть может, это лишь преходящие моменты чрезвычайно сильной концентрации – что они иногда наступают, – в этом новейшие психологи и гносеологи (O. Liebmann, A. Riehl, W. James, B. Erdmann, Husserl и др.) вряд ли ошибаются»¹¹². Эту тему он развивает также в работе «О

¹¹¹ Штумпф К., Психология и теория познания, там же, стр. 202.

¹¹² Штумпф К., Явления и психические функции. – <https://fil.wikireading.ru/14174>, стр. 32.

психологическом происхождении пространственных представлений», приводя в пример слепорожденного – автора учебника по геометрии. Отметим, что разработка этих идей продолжилась в стабильно проводимых ведущими университетами мира исследованиях в области мыслительной концентрации и отношений между медитацией и мозгом.

В противоположность Ф. Brentano, К. Штумпф допускал широкий спектр бессознательных явлений, но не абсолютизируя их и не требуя строгости критериев, на подобии точных наук. Кроме того, никто не задается кардинальным вопросом: по какой причине эти содержания ускользают от нашего восприятия? «Мы утверждаем, что различия и части в явлениях могут существовать также и в том случае, если мы их в данный момент не замечаем. Поэтому ничто, мне кажется, принципиально не препятствует нам сделать допущение, что существуют совершенно не замечаемые части явлений, вроде *«petites perceptions»* Лейбница или, например, бессознательных местных знаков по Гельмгольцу. ...Если, однако, допущение таких частичных содержаний следует с логической необходимостью из характера воспринятых явлений или, по крайней мере, оказывается весьма полезным для установления законосообразностей и если, кроме того, можно показать, почему эти части могут или должны ускользнуть от нашего восприятия, то это предположение, по крайней мере, так же допустимо и обладает такой же познавательной ценностью, как и допущение скрытых масс и движений в физике. Конечно, упомянутые критерии должны здесь применяться не менее строго. Именно этот пункт в большинстве случаев оказывается весьма слабым»¹¹³. Психоанализ, как известно, расцвел пышным цветом, но никаких строгих критериев не предоставил, из-за чего был «бит» представителями экспериментальной психологии.

¹¹³ Там же, стр. 29

К. Штумпф также имеет вклад в детскую психологию, вместе со своим учеником В. Кёлером – в зоопсихологию, вместе со своим ассистентом Г. Руппом, проводившим исследование в зоне военных действий, – в военную психологию, которой на тот момент не существовало. Уже после войны, в 1920, руководство армии обратилось к нему по поводу психологической подготовки офицеров, в результате чего появилась военная психология. К. Штумпфа с коллегами, однако, не удовлетворяла достоверность используемых тестов, т.к. измеряемые на момент обследования факторы были не прогнозируемы в будущем, что, как знаем, зависит от многих непредсказуемых обстоятельств и непредвиденных изменений в психических явлениях. Сегодня, похоже, это никого не удручает.

24.

Эмансипация деятельности мышления от явлений, из которых соткан опыт, «распеленание» от чувственных образов так, чтобы последние преобразились бы и начали «жить», как впоследствии требовал практический гештальтпсихолог Ф. Перлз: «не мыслить мысль, а прожить ее», вовсе не вход в сферу смутного мистического, а констатация вполне научного факта, вокруг которого собрались изумленные от своих открытий представители Вюцбургской школы. Как пишет ее основатель и главный теоретик О. Кюльпе: «Ворота крепости метафизики не раскрываются перед тем, кто пытается победить ее гарнизон пронырливостью, происками, каковы интуиция, интеллектуальное созерцание и прочая мистика, а лишь перед тем, кто в открытом, честном бою завоюет и обеспечит себе доступ к ней»¹¹⁴.

В противоположность и поныне бытующему мнению, О. Кюльпе считал, что экспериментальная психология началась не в 1879 г. в лаборатории В. Вундта, а в 1860, и основал ее Г. Фехнер, выпустив в свет свои «Элементы психофизики». Цель, поставленная Г. Фехнером – отыскать основной закон для отношения между телом и душой. В противовес абсолютному большинству современников и будучи убежденным идеалистом, он считал, что природа, и включительно тело, небесные светила и растения предстают пред нами как одушевленные. В зависимости от точки зрения наблюдателя можно видеть ее извне, тогда это – материальное тело, или созерцать изнутри – тогда это дух. Но это одно и то же. Также видимый внешне Космос есть телесный Космос, а рассматриваемый изнутри – Всеобщий Дух, Бог. «Теневая» или материальная реальность уже имеет научный

¹¹⁴ цит. по: Журавлев И.В.. Критический реализм Освальда Кюльпе, предисловие к книге Кюльпе О., Очерки современной германской философии, 2016. – https://spravochnick.ru/psihologiya/osvald_kyulpe_nemeckiy_psiholog_i_filosof/

статус, но предстоит еще обосновать научный статус «светлой», духовной реальности. Последняя ускользает от наблюдения, но она есть, поэтому надо исчерпать исследование объективных законов психических явлений, после чего восходить к фактам духовных явлений. И он исследовал – в прямом и переносном смысле до потери зрения, по свидетельству О. Кюльпе, проведя круглым счетом 25 тысяч экспериментов на раздражители и вызываемые ими ощущения, что оформилось в закон Вебера-Фехнера, благодаря чему он снискал известность, но это та известность, как заметил С. Аскольдов, которая является для Г. Фехнера «до чрезвычайности односторонней и обидной»¹¹⁵. Действительно, оценивать его исключительно как экспериментатора ощущений, равнодушного к огромному миру других явлений, равносильно оскорблению, но даже если продолжить только его психофизические рассуждения в области отношения раздражителя к ощущению, т.е. телесного к душевному, и не спасовать перед открывающимися здесь загадками, например, на чем основано ощущение без раздражителя во сне, то это должно явиться началом дальнейших исканий, которые устремлены в будущее, что неясно осознавалось как тогда, так и сейчас. «Бедные мои книги, – жаловался он, – получившие трепку от материалистов с одного конца, от идеалистов с другого, а от естествоиспытателей – покачивание головы». Никто из современников не был на его стороне, никто не выразил с ним согласие, и тем не менее, он, пожалуй, единственный, беспрецедентные заслуги которого высоко оценены представителями всех подходов в психологии и в унисон.

По Фехнеру, нет оснований объяснять душевную жизнь нервной системой, она автономна и подчинена своим законам. Именно за эту идею ухватился О. Кюльпе, когда решил исследовать

¹¹⁵ Аскольдов С., *Философия и религия Фехнера*, Вопросы философии и психологии, кн. 141-142, 1918, <https://ru.wikipedia.org/>

довать, помимо содержания предметного мышления, мышление без признаков наглядности, следуя логике фактов, а не логике понятий. Было обнаружено, что слово может быть понимаемо независимо от представлений, а также существование таких явлений, состояний, направлений, актов, которые не подходят под схему принятой психологии. «Испытуемые стали говорить на языке жизни, а представлениям во внутреннем мире отводили лишь подчиненную роль. Они знали и думали, судили и понимали, схватывали смысл и толковали общую связь, не пользуясь существенной поддержкой случайно всплывающих при этом чувственных представлений»¹¹⁶.

Новое понимание сознания, когда ему не дано ничего наглядного и переживается само по себе, поставило под сомнение принцип ассоциации, по которому происходит мыслительная деятельность, показав, что мышление и восприятие могут обходиться без элементов и детерминируются тенденциями, исходящими от стоящей перед субъектом задачи, в частности, установкой «Я» на цель. «Мысли являются не только чистыми знаками для ощущений, – пишет О. Кюльпе, – они вполне самостоятельные образования, обладающие самостоятельными ценностями, о мыслях можно говорить с той же определенностью, как и о чувственных впечатлениях, их можно даже считать более положительными, постоянными и независимыми, чем чувственные образы, обусловленные деятельностью памяти и фантазии»¹¹⁷. Посредством такого мышления возможно проникнуть в живую действительность и «единственно возможно определение и установление реального», т.е. мышление само по себе выступает в качестве реального и объективного опыта, причем более независимого, чем чувственный опыт, следовательно,

¹¹⁶ Кюльпе О., Психология мышления, Кюльпе О., Психология мышления. – <https://www.psychology-online.net/>

¹¹⁷ Кюльпе О., Психология мышления, Кюльпе О., Психология мышления. – <https://www.psychology-online.net/>

мышление само по себе может быть методом! Никогда в психологии мышление не воспринималось столь адекватно, никогда не подходило столь близко к порогу понимания истинного значения мышления. Если в других психологических исследованиях не старались добиваться после каждого опыта сведений о всех соответствующих переживаниях, удовлетворяясь случайными показаниями испытуемого по поводу явлений, особенно бросающихся в глаза при отклонении от нормы, то вюцбургцы поставили переживания в ходе мыслительной деятельности в центр интереса и дошли в своих экспериментах до границы опыта, доставляемого органами чувств, совсем в духе Э. Сведенборга, протоколирующего, что «мышление, отправляющееся от взора, закрывает понимание, а мышление, отправляющееся от понимания, открывает взор»¹¹⁸. Но если следующим шагом последнего было «увидеть» то, что скрыто за чувственным покровом, то вместо перехода от чувственного мышления в мышление образами или имагинативное мышление, они заговорили о безобразном мышлении, опыты с которым чуть не довели К. Бюлера до сумасшествия. Еще в 1927 г. К. Бюлер, разуверившись в том, что можно найти последние ответы на вопросы души, провозвестил о кризисе психологической науки, который может быть преодолен путем синтеза существующих школ, но не найдя интегрирующей их парадигмы, а на закате жизни ушел от экспериментаторства и медицины, став практическим психологом.

¹¹⁸ Цит. по: Сириэль Сигштенд, Сведенборг: жизнь и труды. – http://lib.ru/HRISTIAN/SWEDENBORG/glavy_iz_knigi_o_svedenborge.txt

25.

Тем временем в России во всех правах утверждается век несвободы и запрета на мысль и сознание, а из Америки этому вторят «товарищи», просто не облаченные в красный кумач. Каждый исследователь отстаивал «правду» на свой вкус, исполняя песню детерминизма на свой лад: А.Ф. Лазурский предложил характерологию индивидуальных различий, В.Н. Мясищев объяснял поведение с позиций психологии отношений, Н.Н. Ланге анализировал восприятие по типу «внешних толчков», считая интроспекцию «игрой воображения», но отступив от «моторности» по части перехода из биологического в социокультурный контекст, А.Р. Лурия в процессе изучения мозга приходит к нейропсихологии, и вместе с Л.С. Выготским и А.Н. Леонтьевым вынашивает идеи культурно-исторической концепции. После войны Б.В. Зейгарник создает пограничную с психиатрией и общей психологией область знания – патопсихологию (впоследствии патопсихология и нейропсихология вошли в клиническую психологию как разделы), имеющую свой автономный предмет и методы. Она видела ее прежде всего психологической дисциплиной, а не медицинской, вместе с тем, отстаивая широкие междисциплинарные связи со всеми областями психологии, дабы исследователь не уподобился бы врачу – специалисту исключительно по правому или левому глазу»¹¹⁹.

Этому не суждено было случиться. Не только «правый и левый глаз», а «правая и левая ресничка» стала предметом отдельного исследования. Понятия раздробились на отдельные факторы, факторы стали обрастать предикатами и связями с другими факторами, что привело к тому, что от первоначального понятия не осталось ровным счетом ничего, а для психолога

¹¹⁹ Соколова Е.Т., Феномен личности Б.В. Зейгарник (К 100-летию со дня рождения) // Вопросы психологии., 2001, № 2, стр. 94-94.

закрылся доступ к реализации себя, по выражению философа Ф. Брэдли, «как самосознающего члена бесконечного целого». Он же приводит такой пример: «Возьмем шелковый носок, который все время штопается, как только в нем образуется дырка, и после многолетнего использования в нем образуется столько заплаток, что ни одной шелковой нити в нем уже нет. Поэтому возникает вопрос: носок шелковый или уже не шелковый? Также и отношение вещи к предикатам: с одной стороны, есть вещь, являющая единство этих предикатов, а с другой стороны, кроме предикатов, мы ничего не видим, вещи как таковой уже не оказывается»¹²⁰. В связи с этим, он не имел никакого доверия к психологии, считая ее «специальной наукой, находящей лишь полу-истины и оперирующей целесообразными фикциями»¹²¹. Этот бесконечный и оголтелый процесс «штопки» превратил категориальный аппарат психологии в нагромождение предикатов, меж тем как эксперимент и эмпирическое в целом является средством на пути к цели достижения «сверхэкспериментальной» и «сверхэмпирической» реальности. Научное постижение поменяло местами средство и цель, отчего последняя ужалась до комка идей, высказанных единицами и заглушаемых «победоносным» и «зубастым» большинством, но чем активнее заглушаемых, тем энергичнее высказываемых.

Один из них – ученик Э. Гуссерля, философ Густав Шпет, которого В.П. Зинченко назвал «психологом по милости божьей», а по милости психологов оказавшегося вне психологии. Сделав смысл основополагающим условием «чувства собственного места в мире и всякой вещи в нем», Г. Шпет определил методологический ориентир психологии, от которого психологи (если бы услышали) получили бы гораздо больший прок, чем от

¹²⁰ Лега В.П., Лекции по истории западной философии. – <https://sedmitza.ru/lib/text/431756/>

¹²¹ Бредли Ф., Геффдинг Г., Современная философия, СПб, Изд-во О.Н. Поповой, 1907, 211 с. . – стр. 64.

многих психологов, которые, занимаясь частными вопросами психологии, приносили психологии только вред.

Представление о психологии как о какой-то механике абстрактных психических сил, отдаляющая от жизни духа есть, согласно Г. Шпету, фальсифицированная психология, потому что принимает за реальность «логические тени», но и попытка копнуть глубже, чем простое логизирование, сводится «к нашедшему у нас поддержку фрейдовскому психоанализу, а как известно, мы импортируем не всегда лучший товар». А надо бы найти пути сближения психологии и метафизики, в которую психология упирается одним концом, и осознать, что психологическое – предмет «особого порядка», для которого необходимо преодолеть незнание и познать зло, и прорываясь через омертвелый логизм и одновременно не давая пристанища иллюзиям, дойти до глубоких слоев сознания. В итоге, против логизма предлагается метафизика и искусство (радикально и безоговорочно: «искусство есть вид знания!»), против иллюзий – познание зла. Цитируя его собственное стихотворение:

«Но если душу жжет бунт упования,
И хочешь цепь судьбы перековать,
И можешь радость вплесть в судьбы оковы,
Тогда дерзай от смертного лобзания
В притон незнания зла не убегать,
Дерзай глазами слушать ночи зовы!»¹²².

Мы указали на одну выявленную Г. Шпетом полярность, между которой оказалась психология: логизм и иллюзия. Вторая заключается в том, что психология постоянно спотыкается, с одной стороны, на «психологический натурализм», с другой – «психологическое водолейство». Перепоручение исследования

¹²² Из семейного архива Г.Г. Шпета, Цит. по: Т.Щедрина, Густав Шпет и Юргис Балтрушайтис: знаки дружбы, <https://cyberleninka.ru/article/n/gustav-shpet-i-yurgis-baltrushaytis-znaki-druzhby/viewer>

души как «нормативного понятия» психологии, и вместе с нею духа, естественникам или «физиологистам», губительно для психологии: «Идеал физиологической психологии: представить жизнь духа как жизнь организма, чем, в сущности, упраздняется психология»¹²³. Так, «вопрос о сознании, как о понятии специфически психологическом, не поддается физиологическому объяснению, потому что ему нельзя установить ничего аналогичного в мире органическом»¹²⁴. «Логическая бессовестность» физиологистов, по Г. Шпету, заключается в аргументе, что душа есть явление жизни, природы и биологии, следовательно, душой должны заниматься физиологические психологи, но пищеварение, нервная система и кровообращение также есть явления жизни. С другой стороны, разве у души нет собственных витальных признаков, отличных от физиологии? Очевидно, что психологам необходимо громко заявить вместе с Г. Шпетом: «Мы не противопоставляем природу душе и духу, мы включаем их в природу», но природу, не лимитированную механикой тела, а включающую сознание, мысль и идею.¹²⁵ В отличие от Г.

¹²³ Шпет Г., Избранные психолого-педагогические труды, М., «Росспэн», 2006, 624 с., стр. 142.

¹²⁴ Шпет Г., там же, стр. 202.

¹²⁵ «Не потому ли философам и психологам не удавалось найти «седалище души», что его искали внутри, тогда как вся она, душа, вовне, мягким, воздушным покровом облекает «нас»? «Внутри» – говорит он, – только идеальное, а не реальное, не действительное, не действующее. «Внутреннее» – «только» идея. Немцы научили нас приставлять к «идее» словечко «только», чтобы выражением «только идея» сказать: ничто. И верно, если «идея» неразрешима внешне, во вне, она – ничто. Но если она – живая действительная идея, она не «только идея», а *ιδέα*, т.е. вид, прежде всего, внешний видимый облик»¹²⁵. Отсюда следует, что разгадка кардинальной проблемы «внутреннего и внешнего» скрыта в ракурсе рассмотрения самой идеи. При условии, что «идея живая и действительная», она также реальна и видима, как внешнее. Вот в каком случае, необходимо не отказываться от самого темного материалистического естествознания, и занять срединную позицию между внутренним и внешним. Будучи способным на живые и действительные идеи, это мог себе позволить Гете: «Сейчас я нахожусь в таком положении», при котором «натурфилософы желают вести свои работы сверху вниз, а естествоиспытатели

Эббингауза, провозгласившего, что «психология должна быть наукой или естественной, или никакой», Г. Шпет убежден: разумней и уместней составить союз не с физиологией, которая не имеет «логического права на существование», а с философией. То же относится к клинической психологии. Вслед след за Р. Лотце он постулирует: «Медицинская психология построена на философских основаниях»¹²⁶.

С другой стороны, существует опасение, что исследование сугубо «нормативного понятия» психологии без естественно-научной основы, неизбежно ведет к психологизмам, субъективизму и «водолейству». «Водолейство», *ex professo* недопустимое в точных и отчасти в естественных науках, – райские кущи для мошенников, пройдох и жулья от психологии, и отрада для тех, кто принял за психологию пустословие «наивной психологии», а также игру с абстрактными понятиями, где мы, по словам М. Волошина, «не видим лиц и верим именам».

Чтобы не быть натуралистом больше, чем «римский папа» и не утонуть в производимой психологами «воде», Г. Шпет предлагает придерживаться трех основополагающих определений психологии:

1. «душевные явления совершаются во времени;
2. душевные явления мы познаем непосредственно;
3. они даны в отношении ко мне – доступны самому переживающему»¹²⁷.

Это означает, во-первых, что фокус внимания должен быть сосредоточен на временных характеристиках психики, и какие угодно пространственные, протяженные или количественные величины, относящиеся к неорганическому или физическому (включая тело) миру, но никак не к душевно-духовному, должны

– снизу вверх. Я вижу свое благо в созерцании, которое лежит посередине». (Гете И.В., Избранные философские произведения, М., 1964, стр. 437.)

¹²⁶ Шпет Г., Искусство как вид знания, стр. 151.

¹²⁷ Шпет Г., там же, стр. 159-160.

быть изгнаны из психологии. Во-вторых, качества психических явлений даны сознанию «здесь и теперь», и при условии активности души обеспечивают объективность (добавим: объективность даже при патологии, поскольку эта «объективность» относится к объективности диагностики). В-третьих: «доступность самому переживающему» означает возродить и поставить во главу угла метод интроспекции. «Самонаблюдение, – уверяет Г. Шпет, – наиболее ценное в психологии, и ни одна другая наука им пользоваться не может»¹²⁸.

В самом деле, что бы делала экспериментальная психология, не будь ее предельного аргумента – противопоставления субъекта объекту? Если понимать под самосознанием субъективность, то какой смысл его изучать? Если же психология не отказывается от того, чтобы сделать предметом изучения психологии самосознание, то ей ничего не остается, как сменить эксперимент, тестирование и статистику на идею о душе, которую предоставляет интроспекция, и покончить с катавасией вокруг противопоставления субъекта и объекта. Надо раз и навсегда понять: «Превращение самосознания в объект невозможно. Наука, объективное познание знает «человека», «психофизический организм», «коллектив», «других», как объекты, но это – не самосознание»¹²⁹.

Наконец, в статье «Сознание и его собственник»¹³⁰ он касается самого болезненного нерва науки психологии, проясняя

¹²⁸ Шпет Г., Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / М.: «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007, 712 с., (серия «Российские Пропилеи»), стр. 172. – <https://litmir.club/bd/?b=190620&p=1> <https://www.litmir.me/>.

¹²⁹ Шпет Г., Искусство как вид знания, гл. Общая характеристика этого знания. – https://psyjournals.ru/journals/chp/archive/2006_n4/Shpet

¹³⁰ «Эту статью я люблю больше других – признавался Г. Шпет. В ней я силюсь доказать, что Я не может определять себя без помощи другого, что в собственном существовании Я удостоверяется через другого. Это эмпирически и существенно, и также: в эмпирическом бытии и в существе. И тут – метафизика любви. Эмпирически мать удостоверяет, что я родился, без нее я не был бы в этом «уверен», но она только знает это, как следует знает. Через

положение: «душевные явления даны в отношении ко мне»: «Источником фальсификации является подмена «Я» через общий субъект»¹³¹. Психология, в погоне за мнимой объективностью и во избежание психологизмов, лишила законного «собственника» или конкретного «Я» права собственности – права на познание душевных явлений: «Имярек уже не нужен, его можно уничтожить»¹³². Можно, но с его уничтожением мы уничтожаем критерий истинности психологического знания и познания вообще. Откликаясь на констатацию С.Н. Трубецкого о том, что в познании он придерживается исключительно соборности («по поводу всего держу внутри себя собор со всеми»), Г. Шпет пишет: «Критерий здесь не может быть уже по одному тому, что иначе, как по этому собору никто не поступает, а «единогласия» не было и нет. В конце концов хитро не собор со всеми держать, а себя найти мимо собора, найти себя в своей имярековской свободе, а не соборной»¹³³.

любовь ко мне я удостоверяюсь в своем существовании, это – второе рождение. И вот где Ужас: почувствовать трепет своего бытия, и быть брошенным в сомнение, в неуверенность в нем, в бытии самой сущности, Себя. А сколько таких проходит мимо нас: ненастоящих, иллюзорных! Ужас: сознать свою иллюзорность!..». (Цит. по: *Шпет Г.*, Жизнь в письмах. М., 2005, стр. 349-350.) Заметим: другое «Я» нам нужно не для психологической науки, а во избежание иллюзорности существования. Также нацию или коллектив необходимо изучать «штучно». В работе «Введение в этническую психологию» он придерживается того же пути. «В чем же метод? – спрашивает Г. Шпет. В том, что на первого взятого нами для обследования представителя данного коллектива мы уже смотрим как на репрезентанта», т.е. дух народа существует в отдельных духах. (*Шпет Г.*, Избранные психолого-педагогические труды, М., «Росспэн», 2006, 624 стр, стр. 484.)

¹³¹ *Шпет Г.*, там же, стр. 276.

¹³² *Шпет Г.*, Избранные психолого-педагогические труды, М., «Росспэн», 2006, 624 с., стр. 290.

¹³³ *Шпет Г.*, там же, стр. 310.

26.

Действительно, отчего «единогласия не было и нет» и еще не будет? На этот вопрос отвечает другой, абсолютно непризнанный психолог и частично признанный педагог, философ и богослов В.В. Зеньковский. Его магистерская диссертация на тему: «Проблема психической причинности» (1915 г.), заслуживает самого пристального внимания психологов и посвящена методологической специфике психологии, коими являются «ускользание» объекта исследования при наблюдении, неопределенность экспериментального подтверждения фактов психики, использование затемняющих реальность искусственных моделей объяснения и др. Господство пространственных схем и механического истолкования психики, бесконечная погоня за новыми фактами, отсутствие чутья ко всему своеобразию психического, замена содержания психических явлений демонстрацией объекта, игнорирование переживания и главное – перенесение понятия психической причинности из естествознания в психологию должны быть систематически преодолеваемы. Перечисленное привело к тому, «что автономный характер психологии не до конца обрисовался в сознании самих психологов». Решение, как предлагает автор, в следующем: «при установлении смысла психической причинности в психологии мы должны подвергнуть сомнению все аналогии с материальной действительностью»¹³⁴.

На примере широкого анализа проблем личности, памяти, восприятия, внимания, образа психического явления и его смысла, механизма ассоциации идей, воображения, эмоциональной и волевой сферы, В.В. Зеньковский показывает, а лучше сказать, доказывает реальность вне-причинных связей: «Над психофизической причинностью возвышается причинность чисто психи-

¹³⁴ Зеньковский В.В., Проблема психической причинности, типография Императорского университета, Киев, 1914, стр. 122.

ческая и организуется новая духовная жизнь»¹³⁵. Этого не видеть той душе, которая «при прикосновении к миру пассивна и живет в чувственных ощущениях и восприятиях, что есть подлинный материализм»¹³⁶. Здесь причинное объяснение связывает душевную жизнь с нервными процессами или с действием внешних факторов, оставляя без объяснения значительную часть психики, которая не подчинена причинности. Мы избежим материализма при условии «дивной способности души отстаивать себя во времени, благодаря чему растет духовная мощь индивидуальности», способной на выбор. «Акт выбора в полном смысле есть беспричинный акт, – пишет – В. В. Зеньковский. Эта беспричинность окрашивается в конце концов в метафизический цвет, т.к. в акте выбора мы выходим уже за пределы опытно известного нам мира, разрывая его причинную связанность. Завершение ее, свой истинный смысл эта метафизическая свобода может получить лишь в учении об абсолютной безосновательности, т.е. в учении о Боге. Для психологии же идея беспричинного момента в акте свободной причинности есть совершенно неустраняемая граница, ее предельное понятие». Правда, индивидуальность не может быть понята как абсолютно независимый центр жизни, он не всегда способен на свободное действие, но никогда не удастся доказать противоположное, т.е. вогнать индивидуальность в полную телесную или внешне-факторную детерминацию, потому что в индивидуальности человек восходит к самой природе психического бытия. Это значит, что «если индивидуальность и не есть в полном смысле *Causa sui* (причина самого себя, перво-причина), в нем все-таки живет и действует луч из подлинной *Causa sui* – Божества»¹³⁷. Отсюда вытекает как «из рукава»: между свободными индивидуальностями нет и не может быть

¹³⁵ Зеньковский В.В., Проблема психической причинности, типография Императорского университета, Киев, 1914, стр. 393.

¹³⁶ Там же, стр. 361.

¹³⁷ Там же, стр. 407-409

разногласий.¹³⁸ Не надо при этом опасаться оторванности от реальных связей чувственного мира, ибо «постоянство связи присуще вообще всем идеальным отношениям гораздо глубже, чем реальным»¹³⁹. Для психологии же идея относительной беспричинности не только не разрушает психической причинности в обычном понимании, т.е. детерминизма, но «наоборот, глубже ее раскрывает, а понятие индивидуальности сочетает идеи свободы и причинности»¹⁴⁰. Если психологи будут смотреть в этом направлении, произойдет, по мнению В.В. Зеньковского «очищение нашей науки от власти аналогии с внешним миром»¹⁴¹.

Аналогия с внешним миром, интеллектуальность и оторванные от жизни абстракции отшатнули от психологии многие ясные умы и совестливые души. Так, игумен Никон (Воробьев), стремясь найти ответ о сущности человека и вконец разуверившись в

¹³⁸ Как пример: все четверо – Ф. Brentano, К. Штумпф, Г. Шпет и В. Зеньковский – с той или степенью язвительности отзывались о широко известном В. Вундте, привнесшим в психологию диковинное новшество – экспериментальные факты о психическом, чем эффектно впечатлил приверженцев. Эффект был сродни впечатлению от его роста. Впервые побывав на одной из лекций в 1890 г., Э.Б. Титченер так описал Вундта в одном из своих писем: «Служитель распахнул дверь, и вошел Вундт. Естественно, во всем черном, от ботинок до галстука; узкоплечий, сухощавый, немного сутулится; он производит впечатлительное высокого человека, но едва ли его рост превышает 5 футов 9 дюймов». (Ф. Brentano, Психология с эмпирической точки зрения, там же) Так и сейчас: кажется, что именно Вундт начал, основал и первенствовал, а другие – с «малым ростом» – уходят в тень. Это – не заслуга Вундта и не его вина. Объяснение заключено в духе времени – с середины XIX века разгорелись механицизм, детерминизм, позитивизм и материализм, ударившие по новорожденной психологии. Противовоудар последовал со стороны немногих, и в первых рядах – перечисленные четверо. Вопреки непреложному счету, их все-таки большинство, как посреди террора над мыслью 60-ых писал А. Вознесенский: «Нас мало. Нас может быть четверо. И все-таки мы – большинство!» Еще больший шок для рассудка устроил Г. Померанц, сказав: «Я и Бог – уже большинство».

¹³⁹ *Зеньковский В.В.*, Проблема психической причинности, типография Императорского университета, Киев, 1914, стр. 21.

¹⁴⁰ Там же, стр. 435.

¹⁴¹ Там же, стр. 6.

философии, поступает в Психоневрологический институт в Петрограде, где после прослушанного курса общей и экспериментальной психологии, отзывался о психологии так: «Я увидел: психология изучает вовсе не человека, а «кожу», – скорость процессов, апперцепции, память... Такая чепуха тоже оттолкнула меня ... ведь со знание – с сердцем знание, не умом только». Ушедший в монашество Никон, однако, понимает, что многое, в том числе изучение «кожи» – необходимый этап в становлении человеческой свободы, который может быть использован как средство для большего приобретения, а дошедшее до предела разочарование в науке может привести к новой ее заре. В своих «Письмах к духовным чадам» он дает оправдание «грехопадению» и злу, в том числе огорчившей его и оторванной от жизни науке: «Если б не было свободы, то не было бы возможности извратить нравственный порядок – премудрый и совершенный. Ангелы и человеки как автоматы подчинялись бы законам физического и нравственного мира и зла не было бы. Не было бы в человеках и ангелах образа божия и подобия. Совершенное существо не мыслимо без свободы воли. Кстати, все атеистические учения вынуждены отрицать свободу воли, они и отрицают в теории, а на практике допускают, иначе пришлось бы с ужасом признать, что человек – ничтожная часть бездушной огромной машины, которая знать не знает и не хочет знать о человеке и безжалостно калечит или уничтожает его, когда законы этой машины приводят к этому». Им противостоят «разумные существа, познавшие себя как самостоятельные личности – «Я», как новые самостоятельные источники света (ивановский червячок). ... Воспитать человека в любви к Богу и любви к человеку, не подавляя свободной воли – вот сложнейшая задача, что потребовало от Бога крестной смерти и воскресения».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В «Лекциях о человеческой и животной душе» (1863) В. Вундт пишет: «Я намереваюсь показать, что эксперимент в психологии является основным средством, которое от фактов сознания ведет к тем процессам, кои подготавливают сознательную жизнь в темных подосновах души. Самонаблюдение показывает нам, подобно всякому наблюдению, только сложившееся явление. Лишь в эксперименте мы можем очистить явление от всех случайных обстоятельств, с которыми оно связано в природе. Благодаря эксперименту мы искусственно извлекаем явление из условий, которые держим в руках. Мы изменяем эти условия и посредством этого изменяем также, контролируемым образом, само явление. Таким образом, всегда и всюду единственно эксперимент ведет нас к законам природы, ибо лишь в эксперименте можно одновременно видеть причины и следствия. Хорошо запомним это, а также еще одно высказывание В. Вундта: «Объективным может считаться только существующий без субъекта объект восприятия».

Психология как наука с точностью движется по этим лекалам, погружая не помнящего себя исследователя в обездушенное тело и омертвелую душу. Единицы «опомнившихся» будят его вопросами: «А как быть с беспричинностью изрядной части психических явлений? Что, если вычищенные «случайные обстоятельства» и есть тот самый «камень, который презрели строители»? Чем детерминирован свободный нравственный поступок? Разве невозможно через самонаблюдение прийти к новым открытиям в области души? Допустима ли встреча с фактом, который не сложился в явление? Правы ли аналитики «высшей пробы», выявляющие без эксперимента «темные подосновы души? Что такое эмпатическое знание, если оно не объективно на манер бихевиоризма и не субъективно по типу психоанализа? Может быть, есть действительность за пределами

материи? Наконец, кто это я, помимо того, что экспериментирующий, и на кой, простите, черт объект восприятия, если он существует без меня, субъекта?»

Единицы не только задают вопросы, но, как мы видели, дают ответы. Вот еще один, и принадлежит перу философа, социолога и первого конфликтолога Г. Зиммеля: «Великое предприятие духа – преодолеть объект, как таковой, творчеством самого себя, духа в форме объекта, и возвратиться обогащенным этим творением, обратно к себе»¹⁴². Так преодолевается, считает Г. Зиммель, трагизм культуры. Культура же необходимо обусловлена самостоятельностью мысли и потребностью в объективности при изучении содержаний духа, но она уже в первый момент своего существования несет в себе такую форму, которая осуждена ее исказить. Душа и дух постигаются не через отвлеченные от них рассудочные формы, но в их творческом становлении, которое вливается в мировое становление.

Возвращаясь к началу: слом в самопонимании начался с «грехопадения». Плоды Древа познания добра и зла – это хитроумно, искусно и исправно вырабатываемые рассудочные пути, в которых преуспели многие «компетентные» ученые, в данном случае те, кто, по определению П. Валери, «заблуждается по правилам». В этой увесистой корзине плодов с древа познания экспериментальная психология занимает почетное место. «Заблуждение» ее – в ее правилах, ложных по принципу и губительных по результату, ведущих к смещению понятий «добра» и «зла», отношению к бессознательному как к научной фикции, стиранию идейных основ познания духовно-душевного существа человека и отказу от обретения его смыслов.

Поставить смыслы, добытые через внутренний опыт, в центр психологической науки, будет означать ее христианизацию и

¹⁴² *Зиммель Г.*, Понятие и трагедия культуры, «Логос», Международный ежегодник по философии культуры, кн. 2 и 3, «Мусагет», М., 1911-1912, стр. 25.

приближение к Древу Распятия, чем оправдается ее и наше существование. «Три аспекта феноменологии смысла соответствуют евангельской триаде категорий «Жизнь – Истина – Путь». Смыслы осуществлённости себя становятся тогда «жизнью – истиной – путем»¹⁴³. Идущие добровольно этим путем к «водам искупления» очищают сознание так, чтобы бессознательное или, в терминах К. Юнга, «демоны», не нашли бы угла для своего прибежища. Самоочевидно, что предврать это будет великий труд и битва насмерть.

Смеем думать, что мы представили два неравномерно распределенных в пространстве психологической (и не только) науки типа мыслителей, которые родственны внутри своего типа и враждебны между собой.

Это – «не помнящие себя», идущие путем логики Древа познания и приближающиеся к патологии, о которой даже не подозревают. Что, если это не патология – рассматривать себя изолировано от мира и себя самого? Обретя мощный рассудок, они надрывают сердце; тирания культуры «головой» и интеллекта, вооруженная всеми цивилизационными достижениями, стоит поперек их дороги к пониманию культуры сердца и человеческой целостности.

Вторые – «опомнившиеся», находящиеся на пути к «Древу Распятия» и в разной степени сознающие связанную с этим реальность, идут ощупью к тайнам души и тела. Они не исследуют психику посредством экспериментов над телом или цифровых подсчетов факторов и не идут на поводу у рассудка и материалистической науки. Их мужество позволяет им отражать нападки внутреннего (и, как правило, внешнего) вражьи, а разум сердца и ума – глубоко переживать весь трагизм мира и собственную немощь в его познании. Несмотря на это, в познании мира

¹⁴³ *Василюк Ф.Е.*, Влияние молитвы на смысловую работу переживания, Московский психотерапевтический журнал, Спец. Выпуск по христианской психологии, 2005, 3, стр. 71.

они обретают радостное единение с ним, предчувствуя неотвратимость постижения духовной природы человека и все более убеждаясь в неправдоподобности своей богооставленности.

Последние дают нам упование, но настоящую надежду, т.е. надежду на «Древо Жизни» предоставляют иные, потому что они не только опомнившиеся, но до конца пробуждённые. Благодаря собственной душе, досконально очищенной от дневных и ночных бессознательных сил, и совершенной настолько, чтобы читать, подобно знакомым письменам, духовные тайны Вселенной, окружающей природы и собственного тела, им понятен мир не ошупью или в понятиях, а «лицом к лицу». Они знакомы с бессознательным сообществом в лицах, и только они могут сказать о себе: «Ни на одну минуту, никогда, даже бессознательно, я не был их добычей, т.к. я напряженно следил за тем, чтобы приобретать каждое новое понятие, каково оно ни было, только в состоянии полной сознательности. Тем более жестокой была моя внутренняя борьба против этих демонических сил»¹⁴⁴. К такой борьбе в себе самом и в каждом, кто обратился за помощью, предназначен клинический психолог, как бы далек не был этот благословенный маяк полной пробуждённости.

¹⁴⁴ *Штайнер Р.*, Мой жизненный путь, <https://libking.ru/books/religion-/religion-rel/579616-rudolf-shtayner-moy-zhiznennyy-put.html>

Summary

Clinical Psychology

Gayane Shaverdyan

Usually, psychology is observed by the scientific community as a young discipline, and clinical psychology even younger. In contrast, the “biography” of clinical psychology starts from the beginnings of the formation of human self-consciousness, absorbing the history of medicine and philosophy. It is definitely connected not only with the problem of the relationship between body and soul, but with the tripartite union of body, soul and spirit, in which the soul is assigned the role of a restless mediator between them. The author makes an attempt to extract precious markers of these correlations from the history of science, and therefore includes names that were not previously mentioned in the context of the history of clinical psychology.

The book is addressed to master students in the field of specialization “Clinical Psychology”, as well as to everyone who is interested in the ways that lead to solving the problems facing the science of psychology.

Ամփոփում

Կլինիկական հոգեբանություն

Գայանե Շավերդյան

Մովորաբար, հոգեբանությունը գիտական հանրության կողմից դիտվում է որպես երիտասարդ ոլորտ, իսկ կլինիկական հոգեբանությունը, որը առաջացել է հոգեբանությունը որպես գիտություն հռչակելուց մի քանի տասնամյակ հետո՝ ավելի երիտասարդ: Ի հակադրություն, դրա կլինիկական հոգեբանության «կենսագրությունը» ուսունասիրվում է մարդու ինքնագիտակցության ձևավորման սկզբնավորումից՝ նեոարյալ բժշկության և փիլիսոփայության ամբողջ պատմությունը: Այն ամուր կապված է ոչ միայն մարմնի և հոգու փոխհարաբերությունների խնդրի հետ, այլև մարմնի, հոգու և ոգու եռակողմ միության հետ, որտեղ հոգուն վերապահված է նրանց միջև անհանգիստ միջնորդի դերը: Հեղինակը փորձ է կատարում որսալ գիտության պատմությունից այդ փոխկապակցվածությունների արժեքավոր նշանները և այդ նպատակով անդրադառնում այն հեղինակներին, որոնք նախկինում չեն հիշատակվել կլինիկական հոգեբանության պատմության համատեքստում:

Գիրքը հասցեագրված է «Կլինիկական հոգեբանություն» մասնագիտությամբ վերապատրաստվող մագիստրոսներին, ինչպես նաև բոլոր նրանց, որոնք հետաքրքրված են հոգեբանության գիտության առջև ծառայած խնդիրների լուծման ուղիներով:

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Гаянэ Шавердян

Клиническая психология: исторический этюд

Компьютерная верстка К. Чалабян

Редактор А. Хизанцян

Дизайн обложки А. Патваканяна

Подписано к печати 04.09.2023.

Формат 60x84¹/₁₆. Тип. печ. 9.

Тираж 100.

Издательство ЕГУ

Ереван, 0025, Ал. Манукяна 1

www.publishing.ysu.am